

Альберт ПАЙК

МОРАЛЬ И ДОГМА

ДРЕВНЕГО И ПРИНЯТОГО
ШОТЛАНДСКОГО УСТАВА
ВОЛЬНОГО КАМЕНЩИЧЕСТВА

I

Энциклопедия масонства

Альберт Пайк
Мораль и Догма Древнего и
Принятого Шотландского Устава
Вольного Каменщичества. Том 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=437305

Альберт Пайк. Мораль и Догма Древнего и Принятого Шотландского Устава: Ганга; Москва;

2007

ISBN 978-5-98882-026-0

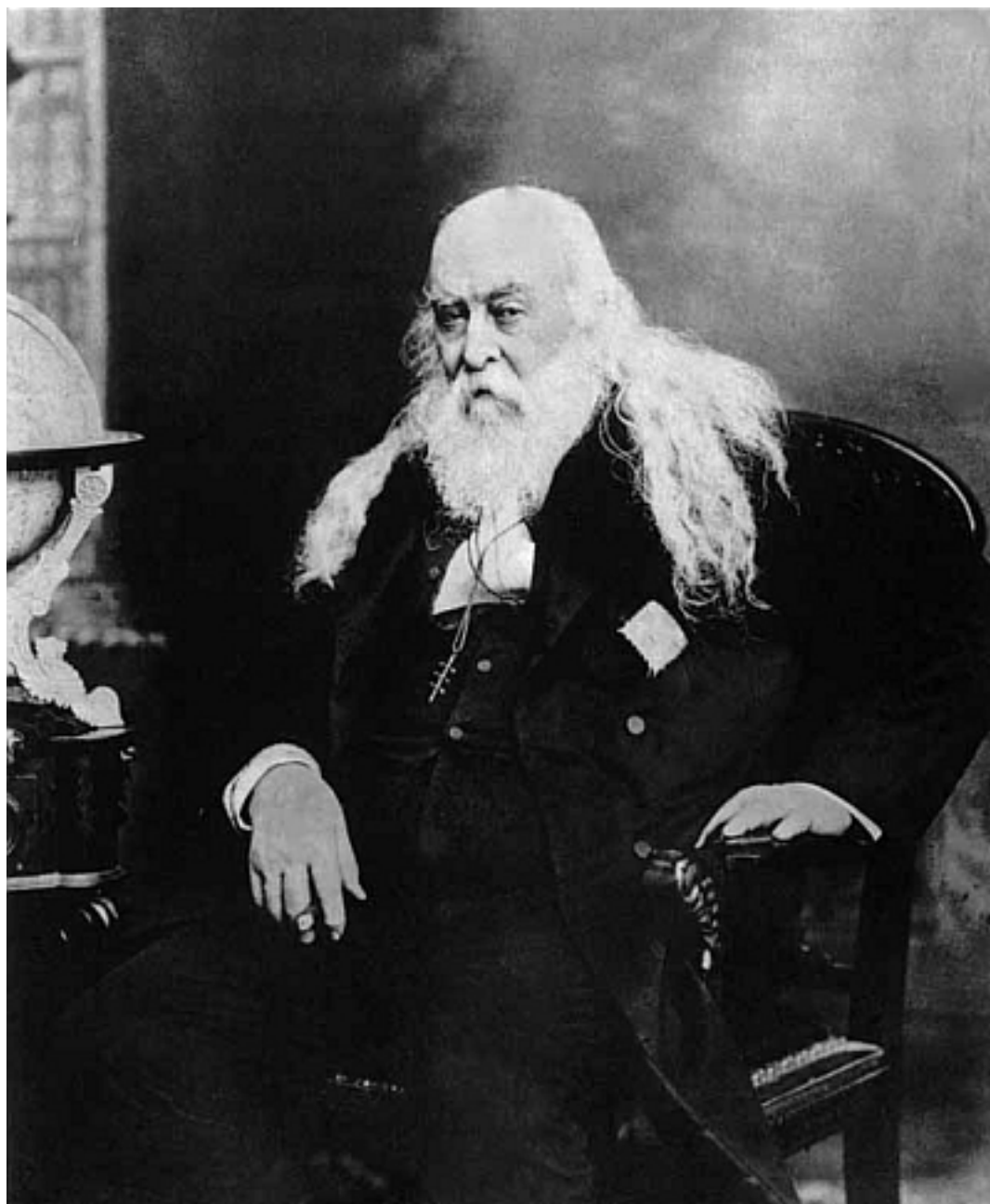
Аннотация

Книга «Мораль и Догма Древнего и Принятого Шотландского Устава» – основополагающий труд по истории и философии масонства как посвячительного Ордена, носителя мировой эзотерической традиции. Альберт Пайк – один из наиболее авторитетных масонских ученых всех времен, и его труд стал итогом многолетней работы по преобразованию и совершенствованию системы Шотландского Устава в США, а также лег в основу всех последующих масонских исследований в рамках данного Устава. Структурно книга «Мораль и Догма» воспроизводит систему масонского посвящения, поскольку изначально представляла собой цикл лекций, с которыми более опытные вольные каменщики обращались к посвященным в очередную степень. «Мораль и Догма» представляет собой путеводитель по практически всем основным мировым эзотерическим учениям и обществам от Мистерий Осириса и Исиды до современных Пайку неотаплированных. Книга «Мораль и Догма» впервые переведена на русский язык.

Содержание

Масонское Наследие Альберта Пайка	6
Предуведомление	12
Symbolical Lodge	14
1	14
2	29
3	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

**Альберт Пайк
Мораль и Догма
Древнего и Принятого Шотландского
Устава Вольного Каменщичество
Том I
Подготовлено для Верховного Совета
Тридцать Третьего и Последнего
Градуса Южной Юрисдикции
Древнего и Принятого Шотландского
Устава для Соединенных Штатов
Америки и публикуется его властью**

Albert Pike, Grand Commander 33°

MORALS and DOGMA

of the Ancient and Accepted Scottish Rite of Freemasonry

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой-либо форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Масонское Наследие Альберта Пайка

«Черный Папа мирового масонства», «Верховный Понтифик вселенского масонства», «основатель черного люциферианского масонства», «учредитель и идеолог Ку-Клукс-Клана», «глава сатанинского Ордена Бафомета»... И все это один и тот же человек. «Некий Альберт Пайк», как было указано в «Мемуарах одной палладистки», вышедших в Париже в 1896 г. под «редакцией» некоего Лео Таксиль. Кроме описания кровавых жертвоприношений «идолу Бафомету», отвратительных оргий «посвященных» обоего, кстати, пола, кроме текстов богохульных «присяг» и описания ритуалов «ордена Палладия», там содержится «стенограмма» речи Альберта Пайка перед собранием посвященных 33-го, 32-го и 31-го градусов, посвященная «падению Распятого и грядущему царству Люцифера – нашего бога, света истинного, зари неугасимой»¹. Уже 19 апреля 1897 г. Таксиль (провинциальный журналист Габриэль Жоган-Пажес) собирает огромную пресс-конференцию, где собирается предъявить людям свою «знакомую-палладистку», с чьих слов были, якобы, записаны «Мемуары», однако вместо этого в течение полутора часов рассказывает потрясенной аудитории, как именно сочинял это и многие другие произведения по заказу и с благословения Римско-католической церкви, получая за них достойное вознаграждение и обретая все большую популярность, являвшуюся единственной его целью во все времена – и тогда, и раньше, в годы написания им печально известных «Забавной Библии» и «Забавного Евангелия», направленных против теперешних «работодателей». Публика шокирована. Таксиль предан общественному ostracismu. Популярность его невероятна. Цель достигнута.

С тех пор, в течение более чем полутора веков после скандала, по миру идет молва о Пайке единственно как о «черном Папе» и пр., основывающаяся на отрывке из бездарного памфлета беспринципного борзописца. На нем основывают свои фундаментальные «исследования» авторы «Протоколов Сионских мудрецов», Розенберг, Гитлер, Стивен Найт, Пэт Робертсон и прочие нынешние «масоноборцы», включая российских, причем как «видных исследователей» типа Замойского и Дугина, так и пропагандистов вроде Воробьевского.

«Всемирного масонства» не существует, потому что масонский Орден основан на верховной власти территориальных Великих Лож; «люциферианского масонства» не существует в силу заложенной в основополагающих масонских ландмарках веры его членов в Бога и их верности добродетели; «ордена Бафомета» не существует и не существовало в природе; с Ку-Клукс-Кланом Пайка связывает единственное письмо генералу Форресту (основателю Клана) относительно ритуала Алабамского ковена²... Таким образом, становится более или менее понятно, кем не был Альберт Пайк.

Кем же он был?

Он был реформатором и самым известным Державным Великим Командором Материнского Верховного Совета Тридцать третьего и последнего градуса Древнего и Принятого Шотландского Устава Южной юрисдикции для Соединенных Штатов Америки, величайшим, по нашему субъективному мнению, масонским ученым всех времен и народов, как ни одиозно это звучит, боевым генералом армии Конфедерации, государственным и общественным деятелем, защитником и почетным вождем арканзасских индейцев, губернатором Индейских территорий, вошедших в 1861 г. в состав США, талантливым и плодовитым журналистом, видным юристом, соавтором конституции Арканзаса, редактором нескольких журналов и газет, средней руки поэтом – автором духовных гимнов, несомненно одаренным историком и глубоким, оригинальным философом.

Альберт Пайк родился 29 декабря 1809 г. в Бостоне, штат Массачусетс, в семье Бенджамина и Сарры (в девичестве Эндрюс) Пайк. Обучался в Байфилде, Ньюберипорте, а

затем в академии Фрэммингхема, штат Массачусетс. Большую часть своего времени с 1824 по 1831 год он посвятил преподаванию и самостоятельному обучению, в свободные часы писал стихи. В 1850 г. Гарвард удостоил А. Пайка почетной степени Магистра искусств. В качестве учителя он работал в средних школах Глостера, Фэйрхейвена и Ньюберипорта.

В марте 1831 г. фактически без денег и каких-либо конкретных планов он устремляется на Запад. Добравшись на перекладных до Сент-Луиса, он записывается в странствующую партию охотников и торговцев, направляющуюся в Санта-Фе. Прожив некоторое время в этом городе, он затем присоединяется к другой партии и совершает вместе с ней экспедицию в Стейкед-Плейнз, откуда, встретив на своем пути множество тягот и лишений, набравшись жизненного опыта, попадает в Форт Смит, штат Арканзас. В 1833 г. он преподает в средней школе в округе Поуп, штат Арканзас. В тот же год под псевдонимом «Каска» он пишет для "Arkansas Advocate" с редакцией в городе Литтл Лэйк серию статей на политические темы, озаглавленную «Перехваченные письма». Эти статьи получили такое широкое признание, что издатель газеты предложил Пайку стать его компаньоном. Пайк принял это предложение, одновременно получив и место помощника клерка в местном законодательном органе во время его сессии. 10 октября 1834 г. он женится на Мэри Энн Гамильтон. Ей принадлежала некоторая собственность, которая позволила ему приобрести дополнительные паи в «Advocate», и в 1835 г. он становится его единственным владельцем и издателем.

Несмотря на то, что род и вырос в Массачусетсе, Пайк выступал в поддержку положения о сохранении рабства в конституции Арканзаса образца 1836 г., мотивируя это тем, что, поскольку Арканзас окружен штатами, поддерживающими рабство, и в значительной степени заселен рабовладельцами, декларировать свободу в конституции было бы политически невыгодно.

В 1837 г. он продает "Advocate", получив к тому времени лицензию на юридическую практику. В последующие годы он стал одним из наиболее знающих и опытных адвокатов на всем Юго-Западе. Он был одним из первых официальных пресс-секретарей Верховного Суда Арканзаса, и его отчеты содержатся в пяти первых томах пресс-архива Верховного Суда за 1840–1845 гг. В 1842 г. он опубликовал «Свод законодательных актов Арканзаса», включавший в себя также и извлечения из общегосударственного законодательства. В тот же самый год он был допущен к работе в Верховном Суде Соединенных Штатов. Он принимал активное участие в Мексиканской войне в качестве командира кавалерийского соединения, которое сам и набрал.

Во время Гражданской войны его карьера не удалась. Хотя он и испытывал неприязнь к рабству и, как он сам позднее утверждал, к концепции апартеида (если это только не вынужденная и единственно возможная мера), все же он решил занять сторону штатов Конфедерации, не желая предавать своих друзей и терять собственность. Летом 1861 г. он был отправлен с миссией обсуждения условий мирного договора с индейскими племенами к западу от Арканзаса. В этом деле ему удалось добиться частичного успеха. Позже ему было присвоено звание бригадного генерала, а когда по приказу от 22 ноября 1861 г. индейские земли к западу от Арканзаса и к северу от Техаса составили департамент Индейских Территорий, Пайк был назначен его главой ("Official Chronicles", 1, series viii, 690).

В течение нескольких лет после войны он вел жизнь путешественника. Собственность его была конфискована, и на него с подозрением смотрели как на Севере, так и на Юге. В 1865 г. он приезжает в Нью-Йорк, но, опасаясь ареста по обвинению в подстрекании индейских племен к восстанию, бежит в Канаду. Его друзья не прекращали попыток выхлопотать ему официальное прощение, и 30 августа 1865 г. президент Джонсон отдает распоряжение, позволяющее ему вернуться домой при условии, что он принесет клятву верности и пообещает вести себя как человек, послушный властям. Пока он ведет себя таким образом, он не должен подвергаться преследованию гражданскими или военными властями. Он выполнил

эти условия. В 1867–1868 гг. он проживал в Мемфисе, штат Теннесси, где занимался юридической практикой и некоторое время был издателем "The Memphis Appeal". В 1868 г. он переехал в Вашингтон, округ Колумбия. Там он продолжил свою юридическую практику, был помощником главного редактора "The Patriot" (1868–1870), много писал и много занимался исследовательской работой, большую часть своих творческих сил и внимания посвящая франкмасонству.³

Пайк был посвящен в общество франкмасонов в 1850 г., в степени Шотландского Устава – в 1853 г., а в 1859 г. он был избран Великим Командором Верховного Совета Южной юрисдикции для Соединенных Штатов Америки и этот пост занимал в течение 33 лет. Как организатор, исследователь и толкователь франкмасонства, а также как писатель он сослужил неоценимую службу франкмасонству Шотландского Устава, снискав величайшее почитание в Соединенных Штатах и широкую известность за рубежом. Хотя заслуги его были многочисленны и разнообразны, величайшими из них были, по всей видимости, новая редакция масонских ритуалов, над которой он кропотливо трудился много лет, и его труд «Мораль и Догма Древнего и Принятого Шотландского Устава Вольного Каменщичество» (издания 1872, 1878, 1881, 1905 гг.).

Под два метра ростом, широкий в кости, грузный, с внешностью Юпитера, волосами до плеч и длинной бородой, Пайк производил неизгладимое впечатление на всех знавших его. Таланты его были разносторонни, и он находил применение своим способностям во множестве различных наук. Кроме родного, он прекрасно знал древнееврейский, греческий, латинский и французский языки, а в последние годы жизни много времени посвятил переводам восточных поэтов. В периодических изданиях было опубликовано великое множество его статей по самым разным вопросам.

В своей собственной специальности он был не только замечательным юристом-практиком, но и исследователем права. Его перу принадлежит пространное сочинение «Максимы Римского Права, а также извлечения из древнего Франкского Права, распространенные и рассмотренные в свете доктрины юриспруденции», которое «будь оно опубликовано, поставило бы его в первый ряд американских авторов в области гражданского права» (С. С. Лобинжье в "American Bar Association Journal" за апрель 1917 г., с. 208).

Он получил немалую известность как поэт. В начале своей карьеры в Арканзасе он отослал в "Blackwood's Edinburgh Magazine" сборник «Гимны богам», который редактор издания Кристофер Норт опубликовал в июне 1839 г. с примечанием: «Эти чудесные гимны... дают их автору право занять достойное место в первых рядах поэтов этой страны». Этот сборник был позднее включен в фундаментальный труд «Гимны богам и другие стихотворения» (1872), изданный за счет автора. Время не подтвердило поэтических достоинств Пайка. У него было живое воображение, отличные навыки стихосложения, но он явно отдавал ритму предпочтение перед благозвучием. Многие его стихотворения полны неподдельной страсти, но в целом его работы в этой области весьма неравноценны, часто им не хватает оригинальности, и иногда они просто напоминают цитаты из других поэтов.

Пайк умер 2 апреля 1891 г. в здании Храма Шотландского Устава в Вашингтоне на восемьдесят третьем году жизни. Он оставил после себя письменное распоряжение относительно своего тела, в котором указывалось, что оно должно быть кремировано, а пепел – зарыт в землю у корней двух акаций, растущих у фронтона здания Верховного Совета; но это распоряжение не было выполнено, и Пайк был похоронен на кладбище Оук Хилл в Вашингтоне. Верховный Совет Южной Юрисдикции установил на территории, специально выделенной ему для этих целей Конгрессом, монумент памяти А. Пайка.

Его жена умерла в 1876 г. Он потерял троих своих детей: один сын был убит, сражаясь на стороне штатов Конфедерации, другой утонул в Арканзасе, третий умер от лихорадки; после его смерти остались еще двое сыновей и дочь.

Опубликованные труды А. Пайка составляют в различных изданиях 16 томов. Неопубликованные рукописи хранятся в библиотеке Верховного Совета Южной Юрисдикции Древнего и Принятого Шотландского Устава в Вашингтоне, округ Колумбия.

Как уже говорилось, главным трудом Пайка является «Мораль и Догма». Это монументальное произведение является основой его титанического труда по оживлению Шотландского Устава в США и приданию ему нового смысла, однако они далеко не исчерпываются данной работой. Перу Пайка принадлежат обновленные, усовершенствованные и упорядоченные ритуалы всех градусов («литургия»), их наставления («лекции»), уставы и регламенты, административные и правовые уложения и акты.

Во второй половине XIX в. Шотландский Устав, пришедший в США из Пруссии через Францию, находился в упадке как в плане численности членов, так и в области учения и литургии, довольно эклектичных и маловразумительных. Только Пайку мы обязаны нынешней стройной и всеохватывающей организационной и философской системой этого Устава, включающего в себя практически все лучшее, что может предложить ищущему Света мировая эзотерическая традиция. Предлагая идеологическую основу для духовных исканий посвященного, Пайк разворачивает перед его взором обширную палитру мировых нравственных учений, ни в чем его, тем не менее, не ограничивая, а лишь поощряя к дальнейшему стремлению к Свету. Одновременно предлагается четкая организационная структура, ритуальная практика; Пайком разработаны облачения, ритуальные атрибуты, стройная система знаков и символов. Он предлагает посвященному готовый, если так можно выразиться, «посвятительный продукт», вместе с тем, являющийся не догмой⁴, но стартовой точкой, побудительным мотивом для собственного духовного развития.

«Мораль и Догму» Пайка невозможно понять, не будучи хотя бы в общих чертах знакомым с мировой философской, религиозной, художественной и литературной традициями. Да и знакомство с ними отнюдь не гарантирует свободной ориентации в его фундаментальном труде, а уж о желании почитать на досуге нечто увлекательное можно просто забыть. Более того, чтение Пайка – труд, труд нелегкий, зачастую неблагодарный, но необходимый. Необходимый каждому человеку, стремящемуся не только расширить философский кругозор, но и приобщиться к истинам, которые лишь на первый взгляд кажутся непостижимыми, а в действительности буквально лежат на поверхности, сокрытые от наших взглядов вековыми наслоениями извечной человеческой глупости, догматизма, упрямства и лжи. Будучи сам человеком энциклопедически образованным, библиофилом, создателем и хранителем огромной библиотеки, ставшей для него фактически домом на протяжении последних лет его, Пайк составлял свой труд, полагая его главным делом своей жизни, а поэтому вложил в него все свои знания, всю душу. Отсюда и его стремление объять необъятное: представить в сжатом виде всю мировую эзотерическую традицию так, чтобы она была понятна человеку, не обладающему его образованностью и интеллектом.

В отличие от Е.П. Блаватской, ставившей себе несколько иную задачу, а именно составление своего собственного учения из отрывков учений всех религий и философских школ мировой истории, которые она сама полагала «правильными» и «укладывала» в рамки собственного понимания мира (или, если угодно, «откровений Махатм»), Пайк ставил перед собой задачу скорее представить потенциальному читателю весь спектр мировых религиозных и философских учений, чтобы доказать их изначальное родство и единство их источника.

Во всех своих наставлениях он постоянно апеллирует к «изначальным, первозданным Истинам», дарованным человеку Богом в начале времен, и подчеркивает, что лишь естественное развитие человека как личности и человеческого общества, цивилизации привели к тому, что со временем образовывались различные течения мысли, по-разному толковавшие

эти истины и строившие на их основе различные предположения, каждый раз в меру своих способностей.

Таким образом, Пайк идет путем синтеза и анализа, сначала обобщая всемирный опыт познания мира, Бога, человеческой природы, законов общества, а затем «убирая» все лишнее, все напластования человеческого ложного умствования и извлекая то, что считает истинным и благим. В его выводах, на первый взгляд, нет ничего особенного: Бог существует, Он – Творец мира и человека, Он – это высшие Мудрость, Сила, Совершенство, Милость и Благо, Отец человека, никогда не упускающий его из вида, любящий его и желающий ему добра. Человек несовершенен, но он способен обрести совершенство, почитая Бога и исполняя Его заповеди, главной из которых является относиться к ближнему своему, как к самому себе. Тогда во Вселенной воцарятся равновесие, мир и порядок, и она приблизится к Богу. Вот, собственно, и все.

Оригинал «Морали и Догмы» состоит из 863 страниц мелкого шрифта. Стоило ли списывать их от руки пером, макаемым в чернила, если все можно было уложить в 68 слов?

Вероятно, стоило, потому что в результате перед нами не просто очередная проповедь, которая столь немного бы стоила в наше время, когда практически все святые и чистые слова и понятия – духовность, церковь, патриотизм, общечеловеческие ценности, мир, демократия – поруганы и испачканы своими лицемерными проповедниками, а настоящая энциклопедия человеческой мысли. Ознакомившись с ней, прочитав хотя бы «по диагонали», начинаешь верить в то, что еще существует возможность возвратить этим понятиям былую чистоту и тем приблизить их торжество в мире в целом.

Орден Вольных Каменщиков гордится своей историей, которую различные исследователи ведут от незапамятных времен: от строительства Храма Царя Соломона в Иерусалиме, от времени возведения Вавилонской башни и пирамид Гизы, от Всемирного потопа, от времен допотопных... История эта в значительной степени легендарна, но вместе с тем и исполнена глубокого исторического символизма. Как в грамматике существует парадоксальное настоящее историческое время глагола, так и в истории масонства реальные исторические факты парадоксальным образом перемешиваются с фактами эзотерической литературы, образуя совместно с ними некую третью реальность – реальность непрерывной посвятительной цепи, единства прошлого, настоящего и будущего, вселенского континуума, преобразующего не только историю, но и настоящее. Действительно, проникая в глубины масонской философии, начинаешь осознать, что, в принципе, не столь уже важным кажется установить с той или иной степенью вероятности реальность происходивших в масонских легендах событий. Приоритет остается за той смысловой нагрузкой, которую они несут тем, кто дерзнул проникнуть сквозь окутывающую их пелену аллегорических хитросплетений.

Язык Пайка сложен для читателя. Пайк многословен, у него часты повторы, предложения перегружены синонимами и даже целыми синонимическими конструкциями, занимающими по целой странице. Однако необходимо, во-первых, помнить, что этот стиль вообще характерен для авторов его времени, особенно пишущих о данных материях, а во-вторых, что изначально «Мораль и Догма» были задуманы, чтобы служить источником нравственных и символических наставлений, с которыми обращаются более опытные масоны к своим братьям, прошедшим посвящение в очередную степень. Каждое новое наставление содержит в себе повторение «задов» – основ учения первых трех символических градусов, основ масонского мировоззрения вообще. Кроме того, Пайк достаточно вольно «витают» среди великих мудрецов и текстов прошлого, временами цитируя их по памяти, не всегда сохраняющей ему верность, «забывая» время от времени ставить кавычки, и нужно признаться, изредка выдавая желаемое за действительное. Пайк – человек, а не ангел: ему свойственно

было как находить единственно возможный выход из запутанного теологического хитросплетения, так и кое в чем искренне заблуждаться.

Тем не менее, прочесть великий труд Пайка просто обязан каждый стремящийся обрести истинное духовное посвящение в градусы Шотландского Устава и просто постичь великие и нетленные истины древнего и священного Братства Вольных Каменщиков. Отнюдь не возбраняется это и любому вообще человеку, желающему погрузиться в величественный мир Мысли, мир Духа, мир извечного стремления к Свету.

и

Предуведомление

Данная работа подготовлена по поручению Верховного Совета 33-го градуса Южной юрисдикции Древнего и Принятого Шотландского Устава для Соединенных Штатов Америки его первым Великим Командором и ныне публикуется его именем. В ней содержатся наставления по Древнему и Принятому Шотландскому Уставу в соответствии с его работой в данной юрисдикции, и особенно она рекомендуется для прочтения масонским Братством, принадлежащим к данному послушанию, согласно и соответственно ритуалам степеней посвящения. Издатели полагают желательным, если не необходимым, чтобы каждый из них имел собственный экземпляр данного труда и подробнейшим образом ознакомился с ним, по каковой причине цена данной работы, себестоимость которой состоит только в расходах на издание и переплет, должна быть как можно более умеренной. Никто не должен получать личной прибыли от переиздания данной работы, кроме агентов по ее продаже.

Братства Шотландского Устава в США и Канаде будет предоставлена возможность приобрести данное издание; это не запрещено и для других масонов, однако никакими преимуществами при приобретении они пользоваться не будут.

В ходе подготовки данного труда к публикации Великий Командор выступал в роли как автора, так и составителя, поскольку около половины данной работы составляют выдержки из трудов величайших и красноречивейших писателей, мыслителей и философов. Возможно, для всех было бы полезнее, если бы он привел больше выдержек и меньше собственных пассажей.

Тем не менее, около половины труда принадлежит ему самому; включая в свою работу высказывания и мнения других авторов, он постоянно дополнял, изменял и приукрашал их, зачастую несколько перемешивая цитаты – прямые и косвенные – с собственными словами. Поскольку данная работа не предназначалась автором для широкой аудитории, он посчитал возможным использовать все доступные ему источники для составления своего рода сборника избранных положений морали и догм Шотландского Устава, при этом весьма свободно дополняя цитаты собственными словами, изменяя их в соответствии с собственной волей, перестраивая предложения и пользуясь чужими мыслями так, как если бы они принадлежали ему самому, дабы написанный в конечном итоге труд приносил пользу и удовольствие читателю и служил претворению в жизнь намеченной автором цели. Он не имел в виду претендовать на авторство во всей полноте связанных с ним прав, а посему не проводил четкого разграничения между написанным им самим и позаимствованным из других источников, предполагая и даже желая, чтобы каждое предложение книги считалось его читателями позаимствованным из более древнего и авторитетного источника.

Данные наставления не являются непререкаемой святыней; они не претендуют на то, чтобы выходить за рамки нравственных поучений в область прочих разновидностей поисков Истины или философской мысли. Древний и Принятый Шотландский Устав использует слово «догма» в его первоначальном, истинном смысле – «доктрина», или «учение», а не в смысле составляющей части догматики в ее нынешнем одиозном смысле. Каждый имеет полное право отвергать и не соглашаться ни с чем из того, что может показаться ему несправедливым или неверным в данной работе. От любого читателя требуется только одно: с открытой душой прочесть и непредвзято взвесить все то, что он встретит в тексте книги. Само собой, древние теософские и философские поучения не следует воспринимать как обязательную составную часть доктрины Устава; однако важно и интересно знать, что Разум Древности думал о рассматриваемых вопросах, поскольку ничто не демонстрирует столь явно и очевидно разницу между нашей, человеческой душой и примитивной природой животного, как способность нашего человеческого разума строить умозаключе-

ния о себе самих и о Божестве. Но что касается самих этих мнений и умозаключений, мы вполне можем сказать, повторяя мысль великого доктора канонического права Людовика Гомеса: "Opiniones secundum varietatem temporum senescant et intermorianur, aliæque diversæ vel prioribus contrariæ renascantur et deinde pubes-cant".¹

и

Symbolical Lodge Символическая Ложа

1 Apprentice Ученик

Сила, не управляемая вовсе или управляемая плохо, не просто тратится впустую, как сила пороха, сожженного на открытом воздухе, или как пар, не использованный учеными; но и, ударяя в темноту и попадая своими ударами лишь в воздух, лишь принимает их назад, получая ушибы. Это разрушение и упадок. Это вулкан, землетрясение, ураган, а отнюдь не рост и не продвижение вперед. Это слепой Полифем, наносящий удары в пустоту и падающий головой на острые камни от силы собственного удара.

Слепая сила людей – это Сила, которую следует экономить и которой следует управлять, как слепой силой пара, поднимающей могучие стальные рычаги и вращающей огромные колеса. Эта сила создана для того, чтобы передвигать и заряжать огромные орудия, но одновременно с этим и пряхать тончайшее волокно. Она должна управляться Мыслью. Мысль представляет собой для людей и их Силы то же, что тонкая стрелка компаса для корабля, – это их душа, вечно управляющая огромной массой дерева и железа и вечно указывающая на Север. Чтобы повергнуть крепости, со всех сторон воздвигнутые против человека предрассудками и деспотизмом, Сила должна руководствоваться Мыслью и Законом. Тогда ее дерзкие деяния приводят к ощутимым результатам, и в них мы видим продвижение вперед. Следовательно, существуют высшие завоевания. Мысль есть Сила, а философия должна стать энергией, находящей свою цель и свои результаты в улучшении человеческой породы. Два наиглавнейших двигателя – это Истина и Любовь. Когда все эти силы объединяются и находят руководителя в Мысли, и управляются в соответствии с правом Истины и Справедливости, и отличаются совместными и систематическими движением и усилием – тогда начинается свое движение к апогею великая революция, подготовленная веками.

Сила самого Божества уравновешена **Его Мудростью**. Единственным возможным следствием этого равновесия является **Гармония**.

Это происходит обычно потому, что Сила плохо ограничивается, что обычно приводит к краху любой революции. Поэтому и столь часто восстания, приходящие с высоких гор, нависающих над горизонтом, – Справедливости, Разума, Истины, – созданных из чистого снега идеалов, после долгого падения со скалы на скалу, отраженные сотнями и сотнями эпитетов, распухшие от тысяч последователей на своем пути великолепного триумфа, неожиданно затихают и исчезают в горизонтах миражей, как калифорнийские реки – в песках.

Продвижение человеческой расы вперед требует того, чтобы высоты вокруг нее были достойными и назидательными уроками доблести. Дерзкие деяния украшают историю и формируют те огни, которые служат ориентирами для человечества. Существуют звезды, существует сияние, отражающее великий мир природного электричества, Силу, неотъемлемую от человечества. Бороться, стремиться, выстаивать в борьбе со всеми опасностями, погибать, упорно добиваться, быть верным самому себе, бросаться друг другу на помощь по воле Судьбы, встречать поражение признанием правоты Провидения, грудью вставать против несправедливой Силы, порицать несправедливый триумф – вот пример, которому должны следовать все нации в достижении Света, который наполняет их природным электричеством.

В великих пещерах Духа Зла, пролегающих под обществом, содержатся огромные силы, которые в своем отвратительном разложении, в убожестве, в пороках и самоуничтожении, в грехах и преступлениях, вопиют к отмщению в этой тьме среди существ, стоящих ниже людей, но обитающих в больших городах. В этой атмосфере каждый теряет интерес к ближнему своему и ютится, и работает, и страдает лишь ради самого себя. На Мысль в этом обществе никто не обращает внимания, и никто не задумывается о продвижении вперед. У этих людей две матери, и обе – мачехи: Невежество и Ничтожество. Единственный их руководитель – Нужда; только своим плотским аппетитам они ищут удовлетворения. Но даже их можно задействовать. Тот ленивый прах земной, который мы попираем ногами своими, просеянный, рафинированный, прошедший очищение огнем, может превратиться в сверкающий хрусталь. В грубых ударах их Молота есть Сила, но Великую Пользу эти удары приносят лишь тогда, когда их наносят, руководствуясь Линейкой мудрости и благоразумия.

Но, тем не менее, это та самая людская Сила, ни с чем не сравнимая титаническая Сила, которая воздвигает крепости тиранов и воплощается в их армиях. Отсюда и возможность таких тираний, о которых в свое время было сказано, что «Рим пахнет при Вителлии еще дурнее, чем при Сулле. Под властью Клавдия и Домиана допущено искажение всех основ, соответствующее отвратительности тирании. Лениость рабов есть прямое следствие ужасной сущности деспота. От их совести, отражающей совесть господина, исходят миазмы; институты народной власти нечисты, сердца – пали, совесть – низложена, души – низринуты в Ад. Такое положение вещей существует при Каракалле, неизменно оно и при Коммодe, неизменно оно и при Гелиогабале, в то время как от римского Сената при Цезаре исходило лишь благоволение, освещенное орлиным взором».

Именно сила людей поддерживает все эти деспотические режимы, как наихудшие, так и наилучшие. Сила эта действует посредством армий; но армии чаще обращают в рабство, чем освобождают. Здесь деспотизм применяет Право. Здесь Сила – это стальная булава, притороченная к седлу рыцаря или облаченного в латы епископа. Бессловесное подчинение Силе поддерживает троны и олигархии, испанских паладинов и венецианский сенат. Мощь любой армии, основой которой служит тирания, складывается из всех ее недостатков; так же и человечество воюет с человечеством, не оглядываясь на идеалы Человечества. Так же и какой-либо народ с радостью склоняется перед деспотизмом, и рабочий люд соглашается с тем, что ему суждено быть вечно презираемым, а солдаты соглашаются с тем, что их можно пороть; следовательно, сражения, проигранные какой-либо нацией, часто способствуют ее прогрессу. Меньше славы – больше свободы. Когда молчат барабаны, иногда говорит разум.

Тираны используют силу людей для того, чтобы пленять и подчинять, то есть закабалить людей. После этого они пашут на людях, как на быках. Тогда дух свободы и новаторства подавляется штыками, принципы уничтожаются залпами из пушек, в то время как монахи обычно сопровождают военным отрядам, а сама Церковь – военизирована и полна предвкушения победы, все равно, католическая она или пуританская: она все равно распевает "Te Deum"¹ после побед над восставшими.

Военная мощь, не подчиненная мощи светской, тоже своего рода молот или булава Силы, не зависящие от Права, – это вооруженная тирания, родившаяся уже вполне зрелой, как Афина из мозга Зевса. Она порождает династии и начинается с Цезарей, чтобы загнить в образах Вителлия и Коммодa. В настоящее время династии имеют тенденцию начинаться там, где прошлые династии заканчивались.

Люди постоянно тратят огромные усилия на то, чтобы всего-навсего положить конец своей неопишуемой слабости. Людские силы растрачиваются в борьбе с неопределенными факторами преждевременной смерти, в управлении человечеством с помощью давно отмерших тираний, основанных на Вере, в восстановлении давно приказавших долго жить догм, в поклонении древним, изъеденным червями святилищам, в обелении и профанации древней-

ших предрассудков, в попытках спасения людского сообщества путем увеличения количества его паразитов, в поддержке существования организаций, которые кажутся ему вечными, в поощрении поклонения символам как реального пути к Спасению, а также в провозглашении вечной связи недвижимого трупа Прошлого с живым Настоящим. Следовательно, одной из неизбежных реалий человечества является то, что оно навечно приговорено сражаться с призраками, предрассудками, лицемерием, фанатизмом, ошибочными суждениями, суевериями и зовом тирании. Деспотизм, известный нам из прошлого, обрел в наших глазах некое уважение, точно гора, блистающая вулканическим кратером, пылающим и ужасным, но издали кажущимся в небесно-голубой дымке изысканно-прекрасным. Гораздо большего стоит видение хотя бы одного узилища тирании, поскольку оно развеяло бы иллюзии и посеяло бы в сердцах священную ненависть к деспотизму, а также сумело бы направить Силу в нужном направлении гораздо лучше, чем многие тома самых красноречивых свидетельств. Французам стоило бы сохранить Бастилию как урок всем временам; итальянцам – узилища инквизиции. Именно людская Сила создала ту Власть, которая построила эти мрачные застенки и поместила человеческую Душу в гранитные могилы.

Человеческая Сила своим ничем не сдерживаемым судорожным действием не может создать и поддерживать однажды созданное свободное Правительство. Эта сила должна быть ограничена, сжата, направлена и распределена по разным оттокам, по обводным каналам, откуда она, выведенная в отстойники, выпускается в виде закона, действия и решения Государства; так мудрые правители Древнего Египта распределяли по узким каналам всплывшие приливные воды Нила, заставляя их оплодотворять, а не опустошать земли. Должны существовать "jus et norma", Закон и Право или мера Конституции и законности, только и лишь в рамках которой должна действовать Сила народа. Допустите брешь лишь в одной из этих структур – и гигантский паровой молот своими сокрушающими и неудержимыми ударами разнесет на мельчайшие атомы все сложные механизмы, а затем саморазрушится и будет лежать бессмысленной и бесполезной громадой посреди им же созданных руин.

Сила народов, или народная воля в действии или упражнении, символизируемая Молотком, регулируемая и управляемая, удерживаемая в допустимых рамках Законом и Порядком, символизируемыми Двдцдтдчтдчрхдюдймовой линейкой, имеют своими плодами Свободу, Равенство и Братство: свободу, регулируемую законом, равенство прав в глазах закона, братство в единстве налагаемых законом обязанностей и привилегий.

Вскоре вы услышите о Грубом и Отесанном камнях как о новых для вас светочах Ложи. Грубый камень определяется как «камень, только что вынутый из каменоломни, в своем грубом и естественном облике». Отесанный же – как «камень, приуготовленный руками рабочих к тому, чтобы к нему прикоснулся своими инструментами Подмастерье». Мы не будем повторять объяснение этих символов, которое предлагает Йоркский Устав. Его можно прочесть в опубликованном ритуале. Там сказано, что они обозначают самосовершенствование каждого отдельно взятого каменщика, и это простое развитие давнего поверхностного толкования.

Грубый камень – это народ как масса, грубая и неорганизованная.

Отесанный камень, камень кубической формы, символ совершенства – это государство, то есть то состояние общества, когда правители выводят свои распоряжения и приказы из пожеланий тех, кем они правят; конституция и законы отражают волю народа; правительство – гармоничное, симметричное, эффективное, следовательно, сила в этом обществе правильно распределена, соответственно применена и находится в равновесии.

Если мы расположим куб на плоской поверхности следующим образом:

то перед нашим взором предстают три его грани и девять внешних ребер, соединяющие семь точек. У полного куба есть еще три грани, чтобы всего получилось шесть; еще три ребра, чтобы вместе с видимыми было двенадцать; еще одна точка, то есть всего точек – восемь. Поскольку число 12 включает в себя священные числа 3, 5, 7, а также 3, умноженное на 3, то есть 9, причем оно получается также и прибавлением священного числа 3 к 9; а сами цифры, его составляющие, 1 и 2, являются сложенными вместе Элементом, или монадой, и диадой, которые, в свою очередь, при сложении образуют священное число 3 – оно было названо древними числом совершенства; поэтому символом совершенства и стал куб.

Созданный Силой, действующей в рамках Закона; вытесанный по линиям чертежа, отмерянным Мерой, из Грубого камня, он, несомненно, является символом силы народа, выраженной в Конституции и Законах Государства; а что касается Государства как такового, то три видимые грани отображают три ветви его власти: Исполнительную, которая следит за исполнением законов, Законодательную, которая законы создает, и Судебную, которая толкует законы, применяет их в спорах между гражданами и гражданами и Государством и заставляет их выполнять. Три невидимых грани – это Свобода, Равенство и Братство – триединая душа государства, его жизнеспособность, дух и разум.

и

Хотя масонство и не пытается заменить собой или оскорбить пародией религию, молитва является наиважнейшей частью наших церемоний. Это стремление души к Абсолютному и Бесконечному Разуму, который есть Единое Верховное Божество, в высшей степени ошибочно и простодушно определяемое как «Строитель». Определенные способности человека направлены на Неизвестность: мысль, созерцание, молитва. Неизвестность – это океан, в путешествии по которому совесть служит компасом. Мысль, созерцание, молитва – это великие таинственные указания стрелки компаса. В этом случае некий духовный магнетизм соединяет человеческую душу с Богом. Это волшебное излучение человеческой души пронизывает тень, стремясь к свету.

Непоследовательно и неумно рассуждают те, кто говорит, что молитва абсурдна, поскольку с ее помощью мы не способны заставить Господа изменить Его планы. Он достигает своих собственных, одним Им предусмотренных и обоснованных целей с помощью сил Природы, которые все суть Его силы. И наша сила – всего лишь часть Его силы. Наша свобода действий и наша воля – это Его силы. Мы не можем безрассудно перестать предпринимать усилия для того, чтобы обрести достаток и счастье, продлить собственное существование, поддерживать здоровье, поскольку никакими усилиями мы не изменим того, что предначертано.

Если усилия предначертаны нам, он и от этого не становятся в меньшей степени нашими усилиями, предпринятыми нами по собственной нашей воле. Таким же образом мы и молимся. Воля – это сила. Мысль – это сила. Молитва – это сила. Почему же не посчитать, что, по Господню закону, молитва, как и Вера, и Любовь, может принести плоды? Человека не следует понимать как точку отсчета, а прогресс – как цель, если все это пребывает вне этих двух великих сил, Веры и Любви. Молитва возвышенна. Сожаления достойны кланчащие и напыщенные воззвания к Божеству. Отрицать силу молитвы – значит, отрицать силу Любви и Веры. Но вот результаты того, что наша рука, направленная нашей волей, бросает

в море камень, никогда не прекращают возвращаться к нам; так и каждое произнесенное слово навечно остается на невидимых воздушных скрижалях.

Каждая ложа есть Храм, и она символична и как единое целое, и в отдельных своих деталях. Вселенная сама по себе снабдила человечество образцом для первых храмов, посвященных Верховному Божеству. Планировка Храма Соломона, символические орнаменты, составившие основу его внутреннего убранства, одеяние Первосвященника – все это тогда напрямую соотносилось с внутренним порядком Вселенной, как он тогда понимался в те времена. Храм содержал в себе многочисленные эмблемы времен года: Солнце, Луну, планеты, созвездия Большой и Малой Медведиц, знаки Зодиака, стихии и части света. Именно Мастер этой ложи, то есть Вселенной, Гермес, представителем которого является Хурум, является одним из светочей Ложи.

Для дальнейшего изучения символизма небесных тел, священных чисел и Храма, а также отдельных его частей вам следует терпеливо подождать вашего продвижения в масонстве, пока что проводя дни в упражнениях разума, в самостоятельном их изучении. Изучать и пытаться правильно истолковать символы Вселенной – вот работа мудреца и философа. Она состоит в расшифровке посланий Господа и проникновении в Его мысли.

Именно об этом задаются вопросы и получают ответы в той части нашего катехизиса, которая относится к Ложе.

и

Ложа определяется как «собрание вольных каменщиков, соответственно собранное, имеющее в своем распоряжении Священное Писание, Наугольник и Циркуль, внутренний регламент и книгу Конституций, которые дают ему право проводить работы». Комната, или место, в котором она собирается, представляет собой ту или иную часть Соломонова Храма и также носит название ложи; именно это значение мы и имеем в виду сейчас.

Ложа, как известно, должна поддерживаться тремя великими колоннами: Мудростью, Силой и Красотой, представленными Мастером, Первым и Вторым Стражами, и сказано, что именно они являются колоннами, поддерживающими ложу, «потому что Мудрость, Сила и Красота являют собой совершенство во всем, и ничто не может существовать без них». «Поскольку, – утверждает Йоркский Устав, – необходимо, чтобы существовала Мудрость, дабы постигать; Сила – дабы поддерживать; Красота – чтобы ей поклоняться, – все это великие и важные начала». «Разве не знаете, что вы – храм Божий, и Дух Божий живет в вас? – пишет апостол Павел. – Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм – вы».²

Мудрость и Сила Господа находятся в равновесии. Законы природы и нравственности – это не просто деспотические причуды Его Всевышней Мощи, поскольку все его решения могут быть изменены Им же самим, порядок может обратиться в беспорядок, а благое и правое – в дурное и неправо; честность и преданность могут стать грехами, а ложь и неблагодарность – добродетелями. Всевышняя Мощь, бесконечная и существующая сама по себе, ни за что не обретет последовательность. Ее пути и направления невозможно предсказать. Господни законы не потому обязательны для нас, что они суть Его упражнения в Силе, отражение Его воли, а потому, что они суть проявления Его бесконечной Мудрости. Они справедливы не потому, что они Его законы, а они суть Его законы потому, что справедливы. От равновесия бесконечной мудрости и бесконечной силы и исходит совершенная гармония, гармония в физической и моральной Вселенных. Мудрость, Сила и Гармония составляют масонскую Троицу. Они обладают также и более тайными и развернутыми значениями, которые, возможно, когда-нибудь также будут открыты вам.

Что же касается обычного, тривиального объяснения, можно добавить еще, что мудрость Строителя проявляется в умелом совмещении, как может совместить лишь опытный Строитель, и как Господь совмещает все и вся – например, части дерева, человеческого тела, яйца, медовой соты, и точно так же Он совмещает силу с изяществом, красотой, симметрией, соразмерностью, светом и изысканностью. В этом же состоит совершенство оратора и поэта: совместить силу, мощь, энергию с изяществом стиля, музыкальностью, красотой образов, игрой и сказочным излучением воображения и фантазии; так же это и в Государстве: воинственная и созидаящая сила народа, титаническая его Мощь должна сочетаться с красотой искусства, наук и разума, если государство поднимается по лестнице прогресса к совершенству, а народ ощущает себя свободным. Гармония этого процесса, как и всего того, что исходит от Господа – вещественного ли, человеческого ли, есть результат равновесия, или единства и борьбы противоположностей, при условии единой Мудрости, которая удерживает весы. Как примирить нравственный закон, людскую ответственность, добрую волю с абсолютной властью Господа; существование Зла – с Его абсолютной мудростью, добротелью и милостью – вот две великие загадки Сфинкса.

и

Вы вошли в Ложу меж двух колонн. Они представляют собой те колонны, которые стояли у Восточных врат Храма. Это были бронзовые колонны, в четыре пальца толщиной, судя по наиболее древним текстам, которые в Первой и Второй Книгах Царств передает Иеремия, в восемнадцать локтей высотой и с капителями высотой в пять локтей. Ствол каждой из них был четырех локтей в диаметре. Один локоть – это 1,707 фута³. Это значит, что ствол каждой из них был немногим выше тринадцати футов восьми дюймов в высоту, капители – немногим выше восьми футов шести дюймов, а их диаметр – шесть футов десять дюймов. Капители были увенчаны бронзовыми яблоками, покрытыми бронзовой же отделкой и резьбой по бронзе; они, как оказывается, были выполнены в форме бутонов лотоса, или египетской лилии – священного символа египтян и индусов. Правая, или южная, колонна получила имя, приведенное в нашем переводе Библии как «Яхин», а левая – «Боаз». Наши переводчики говорят, что первое слово означает «Он установит», а второе – «В сем – сила». Эти колонны были созданы Хурумом, мастером из Тира, как подобия двух великих колонн, посвященных ветрам и огню и стоявших при входе в знаменитый храм Малкарт в городе Тире. Йоркский Устав обычно утверждает, что на одной из этих колонн был изображен небесный глобус, а на второй – земной; но это допущение не стоит принимать во внимание, если мы говорим о том, как выглядели эти колонны в действительности. Пока что мы оставим без объяснения символическое значение этих колонн, добавив лишь то, что Ученики хранят свои рабочие инструменты в колонне Боаз, и сообщив вам этимологическое и буквальное значение этих двух слов.

Слово Яхин по-древнееврейски записывается как YHWH . Возможно, его произносили как «Яхайан», и оно означало в качестве отглагольного существительного «Тот, кто дает силу», и отсюда – «твердый, стабильный, сильный».

Слово Боаз записывается как Baoz – «Бааз», где Bao означает «сильный, сила, власть, мощь, источник силы, тыл, крепость». Приставка z означает «с» или «в» и придает слову значение, близкое латинскому "roborando" – «усиливая».

Первое слово еще означает «Он установит» или «Он поставит вертикально» – от глагола Kun [kun] – «Он стоял прямо». Возможно, этим словом обозначали деятельную или житнетворную энергию и силу; а Боаз – постоянство, непрерывность в значении пассивного отношения.

Измерения Ложи, как говорят наши Йоркские братья, «неограниченны, а потолок ее – не что иное, как небесный свод». «Именно к нему, – утверждают они, – постоянно направлено сознание масона и именно туда он надеется проникнуть посредством Божественной лестницы, которую Иаков видел в своем сне поднимающейся от Земли до Небес; и три основных ее пролета носят названия Веры, Надежды и Милосердия; они поощряют нас к обладанию Верой в Господа, Надеждой на бессмертие и Милосердием ко всему человечеству». В соответствии с этим лестница, иногда о девяти ступенях, бывает изображена на табеле с первой ступенькой на земле и последней – в облаках, и звезды сверкают над ней; утверждают, что это изображение должно представлять собой таинственную лестницу из видения Иакова с подножием на Земле и вершиной в Небесах, и «ангелы Господни восходят и нисходят по ней»⁴. Приспособление к этому символу трех традиционных степеней – весьма необоснованное новшество.

Древние насчитывали семь планет, расположенных в следующем порядке: Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер и Сатурн. Существовало семь небес и семь сфер этих планет; на всех алтарях Митры – по семь огненных жертвенников, посвященных семи планетам, точно так же, как семь золотых паникадил, освещавших Храм. В том, что они олицетворяли планеты, нас уверяет Климент Александрийский в своих «Строматах», а также Филон Иудей.

Чтобы возвратиться к своему источнику в Бесконечности, человеческая душа, как считали древние, должна возвыситься ровно настолько, насколько ранее пала, то есть на семь сфер. Лестница, по которой совершается повторное восхождение, по Марсилио Фичино, в его «Комментариях к Введению в философию» Плотина, состоит из семи пролетов; а в Мистериях Митры, проникших в Рим в период Империи, лестница с ее семью пролетами была символом восхождения через сферы семи планет. Иаков видел, как по ней восходит и нисходит Божий дух; а над ним царит Сам Бог. Обряды Мистерий Митры совершались в пещерах, ворота которых несли на себе отметки, соответствовавшие солнцестояниям и равноденствиям; также там были представлены семь планетарных сфер, через которые, по идее, должны пройти душевные стремления в своем пути от Небес с недвижимыми звездами до стихий, окутывающих Землю; также там было семь врат, по одним на каждую планету, от которых шли лестницы вниз, по которым спускались или поднимались, возвращаясь, посвящаемые.

Все это мы узнаем от Оригена из его труда «Против Цельса», в котором говорится, что этот символический проход меж звезд, используемый митраическими Мистериями, представлял собой лестницу от земли до неба, разделенную на семь пролетов, к каждому из которых вели ворота, а на вершине были восьмые, составленные из недвижимых звезд. Символика здесь та же, что и на пирамиде Борсиппа из обожженного кирпича недалеко от Вавилона, построенной в виде семи ступеней, каждая из которых окрашена в другой цвет. В митраических церемониях кандидат должен был пройти через семь степеней посвящения, каждая из которых отмечалась опаснейшими испытаниями; и символом их являлась лестница с семью пролетами.

Ложу, ее убранство и эмблематику отдельных его деталей вы узнаете по ее Светочам. Вы уже знаете эти светочи, великие и малые, как их называют наши Йоркские братья.

Священное Писание, Наугольник и Циркуль не только считаются великими светочами Массонства, но также носят и название оснащения Ложи; и как вы видели, ни одна ложа не может существовать без них. Иногда это использовалось для того, чтобы избегать в наших ложах присутствия иудеев, поскольку они не могут признать Новый Завет своей священной книгой. Библия является незаменимой частью оборудования христианской ложи, и именно потому, что это священная книга христианской религии. Иудейское Пятикнижие в иудейской ложе и Коран в мусульманской ложе все равно кладутся на алтарь; и они также, вместе с

соответственно расположенными Наугольником и Циркулем, являются светочами данной ложи и руководством к поведению братьев и ведению работ.

Священную клятву кандидат обязательно должен приносить на Священном Писании своей религии, дабы для него она была как можно более священной и обязывающей; именно поэтому вас спрашивали перед посвящением, к какой конфессии вы принадлежите. Других причин интересоваться вашим вероисповеданием у нас нет.

Наугольник – это прямой угол, составленный из двух прямых линий. Он применяется только к плоскости и принадлежит лишь геометрии, землемерию и тому разделу тригонометрии, который имеет дело только с плоскостями и землей, которую древние также считали плоскостью. Циркуль описывает окружности и имеет отношение к сферической тригонометрии, науке о сферах и небесах. Следовательно, первый из этих символов относится к Земле и телу; второй – к Небесам и душе. Тем не менее, Циркуль используется также в плоскостной тригонометрии для построения перпендикуляров, следовательно, этим вам напоминают о том, что хотя в этом градусе оба конца Циркуля находятся под Наугольником и, значит, вы имеете дело только лишь с нравственными и политическими значениями символов, а не с их духовными и философскими значениями, все равно Божественное переплетается с человеческим; духовное переплетается с приземленным; и в любом самом приземленном аспекте человеческой жизни есть нечто духовное. Нации – это понятия не только политики тела, но и политики духа; и горе тому, кто взыскует лишь материального, позабыв обо всем том, что составляет его духовную сущность. Тогда пред нами предстает нация, закосневшая в догме, предполагающая наличие в человеке лишь памяти и инстинкта и отрицающая наличие души, либо же эту нацию полностью захватывают низменные инстинкты. Такая человеческая природа не может возглавить путь цивилизации. Коловращение вокруг идола Доллара заставляет отмирать мышцы, осуществляющие движение, и волю, побуждающую к нему. Погружение в роскошь и первостепенность выгоды лишают народ Божественной искры, удаляет от него горизонт, снижая общий его уровень, и даже исключает горизонт из его поля зрения в том, что касается универсальной Цели, одновременно и человеческой и Божественной, за счет которой и создаются миссионерские нации. Свободный народ, забывший о том, что у него есть душа, требующая заботы, все свои усилия направляет на обеспечение собственного материального процветания. Если он затевает войну, то лишь в силу интересов своего предприятия. Граждане такого государства во всем берут с него пример и почитают благосостояние, роскошь и помпу главнейшими благами мироздания. Такая нация быстро наращивает материальные блага, но плохо распоряжается ими.

Отсюда происходят две крайности: ужасающая роскошь и ужасающая нищета; все развлечения – немногим, все тяготы – остальным, то есть народу; привилегии, избранность, монополия, удельность проистекают сами по себе из процесса Труда; это несправедливое и опасное положение, которое, превращая Труд в слепого и опутанного цепями циклопа – в шахте ли, в мастерской ли, на лесной ли просеке, на рытье ли канала, среди ядовитых испарений ли, в затхлых ли лачугах, в непроветриваемых ли зданиях фабрик, – ставит общественную мощь над личным ничтожеством и тем самым строит величие Государства на страданиях отдельного человека. Это величие ложно по своей сути, ибо в нем переплетены только материальные стихии, но в него не входят стихии духовные. Если у народа, как у звезды, есть право на эклиптику, свет все равно непременно должен вернуться. Эклиптика не должна раствориться в ночи.

Три малых, или Священных, Светоча, как вы уже слышали, – это Солнце, Луна, и Досточтимый Мастер Ложи; а также вы слышали, что говорят о них наши братья Йоркского Устава, почему они причисляют их к светочам ложи. Однако Солнце и Луна не освещают ложу в буквальном смысле слова, а лишь символически, и следовательно, светочи – не они сами, а те явления, символами которых они являются. Символами чего они являются, в этом

Уставе масонам не сообщается. Точно так же Луна ни в коем случае не правит ночью в буквальном смысле этого слова.

Солнце – древний символ созидания жизни и животворящей силы Бога. Для древних свет был первопричиной жизни, а Бог был Первоисточником, из которого проистекал весь свет; сущность Света, Незримый Огонь, развившийся в Пламя, выраженное в зримом свете и великолепии. Солнце было Его выражением и видимым образом; вероятно, почитая Свет-Бога, сабеяне почитали Солнце, в котором они видели выражение Божества.

Луна была символом пассивной способности природы к рождению, женщины, животворящая сила и энергия которой привнесены в нее мужчиной. Это был атрибут Исида, Астарты и Артемиды, и ли Дианы. «Господь Жизни» был Верховным Божеством над обеими ипостасями и находил свое выражение в обеих; Зевс, сын Сатурна, стал царем над богами; Гор, сын Осириса и Исида, стал Господом Жизни; Дионис, или Вакх, как и Митра, стал прародителем Света, Жизни и Истины.

и

Мастер Света и Жизни, Солнце и Луна обычно символизируются в ложах Мастером и Стражами, и это налагает на Мастера обязанности распространения Света среди Братьев, лично и через посредство Стражей, которые суть проводники этого света. «Не будет уже солнце служить тебе светом дневным, и сияние луны – светить тебе; но Господь будет тебе вечным светом, и Бог твой – славою твоею. Не зайдет уже солнце твое, и луна твоя не сократится, – обещает Исаия Иерусалиму, – ибо Господь будет для тебя вечным светом, и окончатся дни сетования твоего. И народ твой весь будет праведный, на веки наследует землю, – отрасль насаждения Моего, дело рук Моих, к прославлению Моему. От малого произойдет тысяча, и от самого слабого – сильный народ. Я, Господь, ускорю совершить это в свое время». ⁵ Вот это и есть свободные люди.

Наши северные предки поклонялись триединому Божеству: Одину, Всемогущему Отцу, Фрее, его жене, эмблеме всевселенской Матери, Тору, провозвестнику их воли. Но надо всеми ними стоял Верховный Бог, «создатель всего сущего, вечное и древнее, живое и ужасное Существо, открыватель сокровитного, Существо неизменное вовеки». В храме Элевсина (святилище, освещенном лишь малым окошком в крыше и представлявшем собой Вселенную) были представлены изображения Солнца, Луны и Меркурия.

«Солнце и Луна, – утверждает высокоученый Бр. Делоне, – представляют собой две величайших основы всех поколений, активное и пассивное, мужское и женское начала. Солнце олицетворяет реальный свет. Оно отбрасывает на Луну свои оплодотворяющие лучи; вместе они затем отбрасывают лучи на своего отпрыска, Пламенеющую Звезду, или Гора. Все же трое вместе являют собой равноугольный Треугольник, в центре которого располагается всемогущая каббалистическая литера, которой, как говорят, осуществилось Творение».

Убранство же Ложи составляют Мозаичный пол, Шахматная клетка и Пламенеющая Звезда. Мозаичный пол, разделенный на равные квадраты или ромбы, должен представлять собой покрытие пола первого этажа Храма Царя Соломона, а Шахматная клетка – кедровое дощатое покрытие, проходившее по всему его периметру вдоль стен. ⁶ Пламенеющая Звезда в центре должна олицетворять собой «Божественное Провидение, а также ту самую звезду, которая, поднявшись высоко над горизонтом, направила волхвов с Востока напрямик к тому месту, где был рожден Спаситель». Но внутри Храма не было видно камня. Стены были обиты кедровыми панелями, а пол устлан мехами. Не сохранилось свидетельств того, что в Храме пол был таким, каким он был обрисован выше. В древности в Англии Чертежную

доску⁷ окружал плинтус в виде шахматной клетки; и только в Америке укоренился обычай проводить такой плинтус вдоль стен Ложи.

Цвета украшения пола, черный и белый, олицетворяют – не имеет значения, целенаправленно, или нет, – принципы Добра и Зла, взятые из египетской и персидской веры. Это цвета Михаила и Сатаны, богов и титанов, Бальдура и Локи, света и тени, то есть тьмы; это цвета дня и ночи, свободы и деспотизма, свободы совести и «навечно» установленных догм Церкви, которая считает себя вправе рассуждать за своих прихожан, понтифик которой почитается безгрешным, а декреты Соборов которой, по ее мнению, заменяют Евангелие.

Грани этого покрытия пола, если его клетки имеют форму ромба, обязательно будут выщерблены, подобно лезвию пилы; и чтобы ограничить их, необходим плинтус. И его роль в этом случае выполняет шахматная полоса. Если приписывать ей какое-либо символическое значение, то оно в любом случае будет субъективно и небесспорно.

Также небесспорно было бы и обнаружение в Пламенеющей Звезде с пятью лучами символа Божественного Провидения; а утверждение, что именно такой звезде поверяли свои пути волхвы, привносит в этот символ несколько более современное значение, чем того бы хотелось. Поначалу же она символизировала Сириус, или Звезду Пса, предвестницу разлива Нила, а также бога Анубиса, спутника Исида в ее поисках тела Осириса, ее брата и мужа. Позже она преобразовалась в символ Гора, сына Осириса, олицетворяемого также и Солнцем, первоисточника смены времен года и бога Времени; сына Исида, то есть универсальной природы, самого по себе являющего изначальную материю, неисчерпаемый источник Жизни, вспышку нерукотворного огня, единое семя всего сущего. Кроме того, это и Гермес, Мастер Учения, имя которого для греков было именем бога, тождественного римскому Меркурию. Это был полный наиглубочайшего значения и силы знак магов, так называемая Пентальфа, многозначительная эмблема Свободы и Независимости, светящаяся ровным и постоянным светом среди бушующих стихий добра и зла во время общественных потрясений, обещающая спокойное небо и плодородную землю всем народам после всех постигших их бурь и социальных потрясений.

На Востоке Ложи, над головой Досточтимого Мастера, заключенная в треугольник, сияет древнееврейская литера Йод [È или у]. В английских и американских ложах она заменена на литеру G, инициал слова "God" – «Бог», причем, столь же бессмысленно, сколь и во французских ложах – на литеру D, то есть инициал слова "Dieu", все это – вместо истинной буквы. В Каббале Йод – символ Единства, Верховного Божества – представляет собой первую букву Священного Имени; кроме того, это символ Великой Триады Каббалы. Чтобы понять все скрытое значение этой литеры, необходимо открыть книги «Зогар» и «Сифра де Цниута», а также другие книги Каббалы и долго и пристально изучать их скрытые смыслы. Короче, достаточно будет сказать, что это – Созидательная Энергия Божества, представленная в форме точки, заключенной в Круг бесконечности. В этом градусе она для нас служит символом невыраженного Божества, безымянного Абсолюта.

Наши французские братья помещают литеру Йод в центр Пламенеющей Звезды. А в древнейших поучениях наши английские братья прошедших времен утверждают: «Пламенеющая Звезда, или Слава, в центре обозначает величайшее светило, Солнце, которое освещает Землю и через свое неделимое влияние распределяет высшее благо среди людей». В тех же поучениях они также называют ее эмблемой осторожности. Латинское слово «prudencia», лежащее в основе этого понятия, в частности, в английском языке, первоначально означало «предусмотрительность», и соответственно, Пламенеющая Звезда обозначала Всеведение, Всевидящее Око, которое для иницилируемых древнего Египта, в свою очередь, означало Осириса, Создателя. Если в ее центре расположена литера Йод, Звезда приобретает каббалистическое значение Божественной Энергии, находящей свое выражение в Свете, созидателем Вселенную.

и

По традиции существует шесть так называемых сокровищ ложи. Три из них называются «движимыми», и три – «недвижимыми». **Наугольник, Отвес и Уровень** издревле и по праву носят название Движимых сокровищ ложи, поскольку они могут переходить от брата к брату. Новые веяния перемещают их в разряд недвижимых, поскольку их постоянное присутствие в ложе необходимо. Традиционно же недвижимыми сокровищами ложи являются **Грубый камень, Отесанный** – или **Кубический – камень** (в некоторых Уставах – **Двойной куб**) и **Чертежная доска**.

В отношении сокровищ наши братья Йоркского Устава утверждают: «Наугольник символизирует Нравственность; Уровень – Равенство; Отвес же – Праведную жизнь». Такое толкование сокровищ можно прочесть в их ритуалах.

и

Наши братья Йоркского Устава утверждают, что «в каждой должным образом управляемой ложе представлен знак, изображающий точку, заключенную в круг; в этом знаке точка олицетворяет каждого конкретного брата, а круг – границы его добронравного поведения, внутри которых его предрассудки и его страсти никогда не смогут предать его».

Это, собственно, не может являться толкованием масонского символа. Многие говорят, что точка внутри окружности представляет собой Бога в центре Вселенной. Это древний египетский символ Осириса и Солнца, который до сих пор используется как астрономический символ великого светила. По Каббале точка обозначает Йод, или созидательную энергию Бога, озаряющую своим Светом некое округлое пространство, которое Бог, Вселенский Свет, оставил свободным для того, чтобы создавать там миры, распространяя Свою Божественную Сущность далее по кругу во все стороны от этой точки.

Далее наши братья добавляют, что «круг ограничен двумя параллельными линиями, олицетворяющими собой Св . Иоанна Крестителя и Св . Иоанна Богослова, а сверху все это увенчивает Священное Писание» (открытая книга). «Следуя данной окружности, – говорят они, – мы не можем не коснуться этих линий, и если Вольный Каменщик следует по своей жизни в этих границах, для него невозможным становится оступиться».

Было бы просто потерей времени комментировать это. Некоторые авторы предполагали, что параллельные линии представляют собой тропики Рака и Козерога, которые Солнце проходит во время Зимнего и Летнего солнцестояний. Но ведь тропики – не прямые линии, и поэтому вся эта идея кажется нам надуманной. Если параллельные линии вообще когда-либо принадлежали древней мифологии, то их значение наверняка было более таинственным и, если можно так выразиться, более плодовитым. Возможно, они имели то же значение, что и колонны Яхин и Боаз. Но это их значение не для Ученика. Посвященный может найти их и в Каббале. Справедливость и Милость Господа находятся в равновесии, и результатом этого является Гармония, поскольку над всем царит Единая и Совершенная Мудрость.

Священное Писание – это привнесение совершенно нового значения в древний символ, точно так же, как и глобусы земной и небесной сфер на колоннах храмового портика. Таким образом, древний символ был лишен своей древней значимости, как и образ Исиды, выдающей в Библосе над обломками колонны, содержащей останки Осириса.

и

Масонство располагает своими собственными десятью заповедями, которые являются законом для каждого посвященного. Вот они:

1.4. Бог есть Вечная, Всемогущая и Неизменная **Мудрость** и Высший **Разум**, и Неисчерпаемая **Любовь**.

Поклоняйся Ему, восхваляй Его, люби Его! Служи ему, упражняясь в добродетели!

2.0. Религией твоей да станет: творить добро потому, что для тебя это счастье, а не потому лишь, что это твоя обязанность.

Ежели суждено тебе стать другом мудрого человека, руководствуйся его наставлениями!

Душа твоя бессмертна! Не унизь же ее никаким своим поступком!

3.4. Неус танно борись с порока ми!

Не делай ближним своим того, что ты не желал бы, чтобы сделали тебе!

Будь покорен неисповедимым путям своей судьбы и не давай угаснуть священному огню Мудрости!

4.0. Почита й родите лей своих!

Почитай и уважай тех, кто старше тебя годами!

Наставляй молодых!

Охраняй и защищай молодость и невинность!

5.4. Люби жен у свою и детей своих!

Люби свою страну и живи по ее законам!

6.0. Друг твой да будет тебе вторым «я»!

Да не отдалят тебя от него невзгоды!

Ради памяти его делай все то же, что делал бы ради него самого, будь он жив!

7.4. Избегая, беги от неискренней дружбы!

Ни в чем не допускай излишества!

Бойся каким-либо своим поступком очернить память, которая по тебе останется!

8. 0 . Не позвол яй страстям у правл ять тобой!

Извлекай необходимые уроки из проявлений чужих страстей!

Прощай тем, кто оступился!

9. 4 . Больше слушай, меньше говори – и ты будешь поступать верно!

Забывай обиды!

Плати добром за зло!

Никогда не пользуйся силой своей или преимуществом без нужды!

10.0. Учис ь познавать людей: так ты можешь нау читьс я познавать самого себя.

Вечно следуй по пути добродетели!

Будь справедлив!

Избегай безделья!

Но самая главная заповедь масонства заключается в следующих строках: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою»⁸.

Таковы моральные обязательства масона. Но также перед масонством стоит задача повышения нравственного и культурного уровня общества в целом; реализоваться она может через соби́рание знаний, введение в обиход новых идей, побуждение к развитию

разума юных, а также через приведение человеческой расы путем обучения простейшим аксиомам бытия и проповеди законов праведной жизни в гармонию с ее судьбами.

Именно этой работе во имя достижения этой цели и обучается посвященный. Ему не должно казаться, что он не может ни на что повлиять, и тем более непозволительно ему, пребывая в этом суеверии, впадать в отчаяние и отказываться от каких бы то ни было действий. Эта работа должна осуществляться везде, во всей повседневной человеческой жизни. Многие великие поступки совершаются именно в таких мелких боях с бытовыми трудностями. Есть здесь, как нас учат, определенная, хоть и не заметная простому смертному, отвага, которая защищается сама, в полной темноте, грудью отражая атаки Необходимости и Бесчестности. Есть и благородные и таинственные победы, которых не видит никто, за которые не награждают и которым не сопутствуют трубный глас и праздничные салюты. Жизнь, бедствия, одиночество, отвержение, нищета – вот поля этих битв, на которых есть и свои герои – герои неизвестные, но зачастую гораздо более великие, нежели те, чьи имена славят по всему миру. Точно так же и с точно такой же отвагой масон должен сражаться против Необходимости и Бесчестности, которые могут завоевывать целые нации, равно как и души отдельных людей. Он также должен встречать их грудью, пусть и в крошечной тьме, и всегда возвышать свой голос против несправедливостей и пороков целых наций, против узурпации и, что самое главное, против многоглавой гидры Тирании. Ничто не сравнится в красноречии с возмущенной Истиной. Народам зачастую гораздо труднее сберечь свою свободу, нежели завоевать ее. Поэтому протестующий голос Истины нужен всегда. Правда призвана всегда выступать против существующего положения вещей. Действительно, в Истине – Вечность. И масон должен стать проповедником и воином этой Истины. Ежели даже его стране суждено потерять свободу, он не должен отчаиваться. Противостояние Истины и жизненных условий пребудет вечно. Ограбление народа не может стать законом жизни. Никогда не поздно и никогда не рано возвысить голос в защиту собственных прав. Варшава точно так же не может принадлежать татарам, как Венеция – тевтонцам. Народы, тем не менее, могут покориться завоевателям и их военной мощи, и тогда покорившиеся государства преклоняют колена пред государствами-победителями и надевают на шею ярмо ига, ибо находятся под давлением Необходимости; но как только Необходимость исчезает, если народ к тому времени уже созрел для свободы, подчинившаяся некогда страна снова всплывает на поверхность, ибо Тирания – это мифическая мать, пожирающая своих собственных детей.

Что бы ни случилось, мы должны верить в Справедливость и вседвелеющую Мудрость Господа, надеяться на будущее и любить тех, кто по какой-либо причине оступился. Господь посылает людям изъяснение Своей воли в знамениях – таинственных сообщениях на непонятном языке. Чаще всего люди толкуют эти знамения в спешке, неверно, и толкования их полны ошибок, неточностей и разночтений. Ведь путь вдоль дуги вселенского Круга зачастую кажется нам столь коротким. Очень немногие умы понимают Божественный язык. Самые проницательные, самые спокойные, самые образованные медленно и постепенно расшифровывают эти таинственные иероглифы; но когда они готовы представить людям истинное толкование, возможно, необходимость в нем уже отпала. В обществе уже циркулируют десятки других толкований – несомненно, неверных в корне, но, может быть, поэтому и принятых обществом. Вокруг каждого из толкований формируется своя партия, а вокруг каждого разночтения – фракция. И каждая партия верит или же притворяется, что верит, в то, что только она обладает Светом. А каждая фракция убеждена в том, что только ей ведома Истина. Более того, эти фракции состоят из слепцов, которые идут напрямик путем, полным заблуждений и ошибок, умело наносят удары Истине со всей силой, которую придают неверные убеждения.

Вот почему мы часто терпим поражения, защищая истину от неверных толкований. Антей долго боролся с Гераклом; а головы Гидры отрастали так же скоро, как их отрубали.

Абсурдным кажется нам утверждение, что Заблуждение «все в ранах, корчась на песке, завьется среди своих адептов». Истина побеждает медленно. Удивительно, сколь много жизненной силы во Зле. Если быть до конца честными, то Истина в большинстве случаев стреляет поверх голов; и если порок наказан и принижен в какой-то момент, то через мгновение он снова здесь и столь же силен, как прежде. Он никогда не погибнет в мире, в котором отсутствует Разум и самые безрассудные заблуждения приживаются лучше всего.

Тем не менее, масонство, которое, по своей сути, есть Нравственность и Философия, должно продолжать выполнять свою миссию. Неизвестно, в какое мгновение наши усилия принесут нам успех – обычно в самое неожиданное, – и как люди примут наш успех или неуспех. Обретя или не обретя успех, масонство все равно не должно преклонить колени перед предрассудком или же погибнуть под гнетом несправедливости. В Рим некогда были привезены несколько карфагенских воинов, которые отказались склонить головы перед Фламинием и в каждом из которых жила часть величия Ганнибала. Такое же величие души должно присутствовать в каждом масоне. Масонство должно быть энергией, которая видит область своего применения в улучшении человеческой природы. В Адама должен войти Сократ, чтобы в итоге получился Марк Аврелий; иными словами, из Человека Удовольствий следует извлекать Человека Мудрости. Масонство не должно быть всего лишь смотровой башней, воздвигнутой над тайной, с которой так легко критически озирать мир, не являясь практически ничем, кроме объекта для праздного интереса профанов. Поднести наполненную чашу мысли к жаждущим устами человечества, передать всем истинную волю Божества, привести в равновесие и гармонию совесть и познание – вот задачи Философии. Нравственность же – это Вера в полном смысле этого слова. Раздумья должны вести к действиям, абстрактное должно становиться конкретным; идеалы должны стать пищей и питьем для страждущего человеческого сознания. Мудрость – это священный Завет. Только в этом случае она перестанет быть бесплодной любовью к Познанию и преобразится в единственный и возвышенный способ объединения Человечества и побуждения его к разумным действиям. В этом случае Философия становится Религией.

У масонства же, как и у истории и философии, есть вечные и неизменные задачи, вечные и в то же время простые: противостоять Каиафам в роли первосвященников, эвпатридам Драконтам в роли судей, Трималхионам в роли законодателей и Тибериям в роли императоров. Именно символы тирании унижают и разрушают, именно разложение порождает порок и ничтожество. В работах, опубликованных на благо Братства, мы читаем, что три наиглавнейших связующих нити масонства суть братская любовь, сострадание и истина. Так и есть: ведь братская дружба и привязанность действительно должны быть нашими руководителями в связях и отношениях со всеми братьями; а великодушная и безвозмездная филантропия должна быть нашей картой на пути строительства взаимоотношений со всеми людьми. Сочувствовать униженным – это священная обязанность каждого масона, обязанность, которой ни в коем случае нельзя пренебрегать, о которой нельзя забывать и которую нельзя исполнять холодно и нехотя. Также истинно, что Истина – это Божественное свойство и основа всякой добродетели. Быть честным и искать, находить и изучать Истину – в этом великие цели каждого хорошего масона.

Как и великие древние, масоны полагают Терпение, Смелость, Мудрость и Справедливость главными и основными добродетелями. Они так же необходимы целым народам, как и отдельным людям. Люди, которые считают себя свободными, должны также обладать Предусмотрительностью, Образованием и Критическим Мышлением, которые мы по традиции включаем в понятие Ума.

Свободная личность должна быть терпелива в утверждении своих прав, мудра в своих суждениях, экономична в своих тратах; она должна быть благородна, смела, отважна, терпима к неудачам, непоколебима неприятностями, полна надежды в труднейших условиях,

как Рим, когда он продал то поле, на котором разбил свой походный лагерь Ганнибал. Эту личность не должны быть в состоянии привести в отчаяние ни Канны, ни Фарсалия, ни Павия, ни Агенкур, ни Ватерлоо. Пусть Сенат твердо восседает в своих креслах, пока варвары – если смогут – не вытащат сенаторов оттуда за бороды. Кроме того, эта личность всегда должна быть справедливой, не склоняясь своим суждением в сторону сильного, не втаптывая в грязь и не уничтожая слабого; одинаково она судит обо всех народах, включая самые малочисленные и дикие племена; всегда сохраняет она свою веру, честна в своих суждениях, справедлива в своих предприятиях. Когда бы ни существовала республика таких Личностей, она была бы бессмертна; ибо торопливость, несправедливость, нетерпимость, роскошество, отчаяние, беспорядок и жестокость – вот причины разложения и распада народов.

и

2

Fellowcraft

Подмастерье

На древнем Востоке все религии в той или иной степени были Мистериями, и еще не произошел раскол между религией и философией. Народная теология, приняв за реальность все неисчислимое множество символов и аллегорий, опустилась до поклонения небесным светилам, до придумывания Божеств с человеческими чувствами, страстями, аппетитами и пороками, обожествления идолов, камней, зверей, рептилий. Лук был обожествлен египтянами, поскольку его оболочки символизировали для них концентрические небесные сферы. Конечно, такая народная вера не могла ответить всем чаяниям и помыслам людей, самым высоким порывам их духа или устремлениям разума. Духу предоставлялась возможность для развития и совершенствования при посвящении в Мистерии. Неопределенность символизма, допускающая наличие множества разнообразных толкований, позволила ему добиться тех высот, которые так и остались недоступными для бытовой, вещественной веры. Неопределенность же его была мотивирована глубиной того аспекта Знания, исследованием которого он занимался; символизм с помощью Мистерий погружался в тайны мироздания; он стремился проиллюстрировать то, что невозможно объяснить; он должен был создать у посвященного хотя бы соответствующее настроение, если невозможно воспринять понятие, сделать четкий образ всего лишь второстепенным помощником восприятия, который сам по себе не играет существенной роли и не является обязательным.

Таким образом, Знание, непередаваемое в форме книжной мудрости, издревле сообщалось посвященным посредством символов; священнослужители этого Знания создали – или только развили – целую систему знаковых уставов и традиций, которые не только более приятны глазу, чем записанные слова, но и обладают несравненно большим значением и смыслом.

Масонство, продолжатель дела Мистерий, до сих пор практикует античные методы передачи Знания. Его церемонии – точь-в-точь древние мистические действия; это не чтение научных трактатов, а постановка проблемы, требующей изучения, в первую очередь, путем философских размышлений. Его символика – руководство к действию. Наставления – зачастую односторонние и частичные толкования этой символики. Тот, кому посчастливится стать полноценным масоном, не должен получать удовлетворения от простого выслушивания наставлений и даже от их осознания; он должен с их помощью, имея их перед собой как верстовые столбы на пути, изучать, толковать и развивать все эти символы самостоятельно.

и

Хоть масонство и есть одно с Мистериями древних, оно является таковым лишь в символическом смысле этого слова: оно представляет собой лишь несовершенное отображение их великолепия, только лишь развалины их величия, лишь систему, которая претерпевала постоянные изменения, бывшие плодами социальных бурь, политических обстоятельств, дегенеративных амбиций его «реформаторов». После того, как Мистерии покинули Египет, они были многократно изменены народами, которые восприняли их, в особенности же религиозными системами тех государств, в которых обретались их адепты. Поддерживать существующий строй, законы данной страны и ее религию всегда было заботой Посвященного; и всегда они – Посвященные – сталкивались с непримиримой оппозицией со сто-

роны священнослужителей, которые ни в коем случае не могли поверить в то, что «простые смертные» могут приобщиться части философской Истины.

Масонство не есть развалины Колизея. Скорее, это римский замок средних веков, лишенный изначальной формы современными нововведениями, хоть и покоящийся на этрусском фундаменте, но, тем не менее, включивший в себя многие камни, заложенные в эпохи Адриана и Антония.

Христианство учило **Братству**, но постоянно отделяло его от политического **Равенства**, проповедуя подчинение Цезарю и тем, кто по существовавшему в то время закону находился у власти. Масонство стало первым апостолом Равенства. В монастыре, например, существует братство и равенство, но нет свободы. Масонство же потребовало для себя тройственного наследия: **Свободы, Равенства и Братства**. Это было всего лишь развитием изначальных целей Мистерий, которые служили людям способом узнать свои обязательства перед самими собой и своими ближними, то есть перед великими задачами философии и Знания.

Истины – это побеги, из которых вырастают ветви обязательств, и прошло немало сотен лет с тех пор, как Истина явила себя человечеству; то есть человек превыше всего, а не все превыше человека. Человек изначально стоит превыше всего во Вселенной. Все принадлежит ему и обязано изменяться в соответствии с его изменениями, а не наоборот. Нам это кажется весьма несложным утверждением, с которым обязаны согласиться все люди, где бы они ни были. Но вот однажды пришла некая глобальная Сверхистина, которая не могла явиться, пока государства на лике Земли не насчитали по крайней мере пяти тысяч лет существования и развития. Однажды открывшись, она наложила на человечество новые обязательства. Человек несет обязательство перед самим собой быть свободным. Он несет обязательство перед своей страной искать ей свободы и бороться за нее или же охранять и оберегать свободу уже обретенную. Поэтому извечными врагами человечества стали Тирания и Узурпация. Обязательства человечества перед Истиной поставили деспотов и сам деспотизм вне закона и в миру, и в духе. Сама сфера обязательств неимоверно расширилась. Отсюда новое, большее и важнейшее значение приобрел патриотизм. Свобода управления, свобода мысли, свобода совести, свобода слова – все они стали неотъемлемыми правами человека, которые, несомненно, должны быть обретенны или вновь обретенны теми, кто по каким-либо причинам сам их лишился или же чьи предшественники потеряли их. К сожалению, как все истины извращаются и искажаются ложью или же превращаются в ложь, если их применяют неверно, эта Истина тоже вскоре приобрела характер Евангелия Анархии.

Масонство рано осознало эту Истину, равно как и связанное с ее обретением расширение круга своих обязанностей. Его символы тоже обрели новые значения; масонство приняло образ Ордена Вольных Каменщиков и взяло на вооружение орудия этого Ремесла, приобретя в них целый ряд новых подходящих ему символов. Масонство способствовало Великой Французской Революции, исчезло во времена Жиронды, снова возникло с восстановлением порядка, выдвинуло из своих рядов Наполеона, ибо, даже будучи уже императором, он признавал за народом право выбирать себе правителей и выступал во главе нации, отказавшейся подчиняться своим старым королям. Он защищал с помощью сабли, мушкета и пушек право народа Франции поставить у кормила своей страны даже генерала-корсиканца, если ему, народу, это было угодно.

Масонство чувствовало, что на стороне этой Истины выступает Господне Всемогущество; и ни Папе Римскому, ни любому из монархов земных не преодолеть ее. Это была Истина, попавшая в сокровищницу человечества и составившая часть того неимоверно обширного наследия, которое приобретается каждым новым поколением на лике Земли, приобретается, расширяется и хранится людьми на случай крайней необходимости; это личное достояние человечества, навечно дарованное ему Природой. И кроме того, масонство

довольно рано осознало, что это Истина; оно начало проповедовать и развивать эту Истину, как и любое приобретение или достоинство человечества во славу свою; оно поняло что все, кто способствует торжественному шествию Истины по Земле и преобразует мечты в реальность, следуют Закону, предписанному Моисеем и Тем, Кто был распят на кресте, и пользуются благоволением самого Бога Всемогущего.

Лучший подарок человечеству, который могли преподнести ему Вышние силы, – это Мужество. По воле Господа масонство обязано обучать своих посвященных и ему тоже; не сектантству или религиозным догмам, не рудиментарной морали, которую можно встретить в трудах Конфуция, Зороастра, Сенеки или древних Учителей, составивших Книги Притч Соломоновых и Екклесиаста; не невеликому и дешевому знанию общеобразовательных школ, но мужеству, науке и философии.

Дело не в том, что философия или наука противостоят религии. Ведь философия есть познание Бога и Души, определяемое наблюдением проявлений Божественной и душевной воли, а также их сравнение. Это путеводитель разума, столь необходимый для религиозной веры. Настоящая религиозная философия несовершенного существа есть не система веры, но, как считал Сократ, бесконечные поиски Приближения. Философия – это тот самый интеллектуальный и нравственный прогресс, который религиозная вера принимает и чтит.

Что касается науки, то она не может продвигаться вперед сама по себе, пока религия находится в состоянии застоя. Она состоит в обобщении и выводах из опытов, а затем – в подтверждении выводов новыми опытами. Она реализует и объединяет все, что есть действительно ценного в обеих старых схемах размышлений: героической, или системе действий и усилий, и мистической, или духовной теории созерцательного единения. «Внимайте мне, – говорит Гален, – как гласу элевсинского Иерофанта, и поверьте, что изучение Природы есть Мистерия не менее важная, чем их [Элевсинских мист]; она не в меньшей степени направлена на выявление высшей мудрости и силы Великого Создателя. Их уроки и церемонии были неясны и туманны, а наши ясны и однозначны».

Мы полагаем, что лучшее знание, которое доступно нам, – это знание, которое мы получаем от души другого человека, знание, оформленное его поступками и жизненным опытом. Контрдовод относительно того, что этот человек может заявить нам, что его знание тоже приобретено им от кого-то третьего, весит не много, по сравнению с доводом. Первое Писание для человечества было начертано Богом на земле и небесах. Толкование этого Писания есть наука. Знакомство с жизнью трав и деревьев, насекомых и инфузорий преподает нам ни с чем иным не сравнимые уроки любви и веры, как мы можем заключить из работ Фенелона и Августина. Перед человечеством всегда раскрыта великая Библия Господа.

Знание можно преобразовать в силу, а аксиомы – в правила, в случае необходимости или просто ради пользы дела. Но само по себе Знание не есть Сила. Сила – это Мудрость; и первым ее министром является Справедливость, которая сама по себе есть идеальный закон Истины. Таким образом, целью образования и науки становится сделать человека мудрым. Если Знание не сделало его таковым, оно пропало впустую, как вода, пролитая в песок. Знание, так сказать, формул масонства само по себе так же мало значит, как, например, знание множества отдельных слов или словосочетаний какого-нибудь варварского африканского или австралийского языка или диалекта. Даже знание значений символов не столь важно и существенно, если оно не прибавляет нам мудрости и справедливости, которые друг для друга – то же самое, что два полушария нашего мозга.

Таким образом, не теряйте из виду то, что по праву считается вашей главной целью в масонской работе. Это пополнение арсеналов вашей мудрости, а не только получение новых знаний. Человек может потратить всю жизнь на изучение какой-либо одной отрасли человеческого познания – ботаники, конхиологии¹ или, например, энтомологии – или же на заучивание слов греческого происхождения в его родном языке и их постоянную классификацию

и переклассификацию; и, тем не менее, в конце жизни он вряд ли будет более мудр, нежели в ее начале. Именно глобальные истины должны интересовать человека в первую очередь; это истины о его правах, обязанностях и интересах, и именно их старается преподать своим посвященным масонство. Чем более мудрым становится человек, тем меньше вероятность того, что он покорно склонится перед завоевателем, собирающимся наложить на него путы плена или ярмо ига, на него ли лично, на его свободу совести или слова. Ибо с обретением мудрости он не только лучше знает свои права, но и выше их ценит и больше заботится о своем достоинстве и своей чести. Его личная гордость в таком случае буквально заставляет его настаивать на своей независимости. И он становится более способным настоять на своих правах, помочь в этом другим жителям своей страны, особенно если их или ее права или даже само существование поставлены под угрозу. Но знание само по себе не только не сделало никого независимым, но и никак не способствовало ничьему освобождению. Гораздо чаще оно делало из человека лишь более способного и полезного раба. Свобода – проклятие для невежественных и грубых.

Политическая наука имеет своей целью изучение того, каким образом и с помощью каких политических институтов личная свобода каждого гражданина может быть охраняема и поддерживаема вечно; и это не просто разрешение каждому гражданину участвовать в выборах, а полная и абсолютная свобода мнений и мысли, свобода и от монарха, и от черни, и от прелата; это свобода совершать любые поступки в рамках закона, раз и навсегда принятого для всех без исключения; это Суды Справедливости с беспристрастными судьями и присяжными, открытые для всех в равной мере; в этих судах бедность и слабость имеют те же самые права, что и богатство и власть; дороги к высоким постам и чести открыты для всех достойных без исключения; военная сила – одинаково в мирное время и во время войны – находится в подчинении у гражданской власти; невозможны произвольные аресты за действия, не зафиксированные в законодательстве как преступления; не существуют и вообще неизвестны такие учреждения как римская инквизиция, Звездная палата или Военные комиссии; образование доступно всем без исключения детям; существует полная и абсолютная свобода слова; кроме того, обязательна отчетность всех должностных лиц, как гражданских, так и военных.

Если бы масонству необходимо было оправдываться за наложение на посвящаемых также политических (одновременно с нравственными) обязательств, то достаточно было бы только указать на печальную историю этого мира. Не понадобилось бы даже, наверное, листать страницы истории назад до мрачного повествования Тацита, которое могло бы повествовать о неимоверных ужасах деспотизма Калигулы и Домиана, Каракаллы и Коммода, Вителлия и Максимиана. Можно было бы лишь повествовать о тех годах с умбура и крови, которые пришлось пережить веселому французскому народу; о столь долгом ярме Средневековья; о себялюбивых королях Бурбонской династии; о тех временах, когда крестьян, точно покорных овец, грабили и убивали их собственные господа и их слуги; о том, что господа обладали в те годы правом Первой ночи; о том, что захваченный или сдавшийся город подвергался потоку и разграблению; о том, что тюрьмы были переполнены невинными жертвами произвола, а церковь благословляла знамена безжалостных убийц и распевала "Te Deum" во славу «героев» Варфоломеевской ночи.

Можно перевернуть наши страницы и до совсем недавней главы, до правления Людовика XV, когда по всей стране похищались девочки – совсем еще дети – для удовлетворения его низменных страстей; когда *lettres de cachet*² заполняли Бастилию несчастными, которым даже не предъявлялось обвинения, мужьями, стоящими на пути удовольствий своих похотливых жен, а также настоящими коварными преступниками, принадлежащими официально к высшим и честнейшим слоям общества; когда люди неимоверно страдали, находясь между мельничными жерновами налогов, пошлин и займов; когда папский нунций и кардинал де

ла Рош-Эман, почтительно преклонив колени по обе стороны от мадам дю Барри, бывшей фаворитки короля, надевали ей домашние туфли, когда она вставала с ложа греха. Тогда действительно тяжкий труд и страдания были двумя сторонами человеческой жизни, и люди были всего лишь вьючными животными.

Настоящий масон тот, кто неустанно трудится ради претворения в жизнь великих задач своего Ордена. Сам Орден не может повлиять на окружающий мир; но он может помочь в этом своим членам. Он есть одно из орудий Господа. Это Сила и Власть; и да падет на него неизбывный позор, если он окажется не в состоянии в случае необходимости пожертвовать своими сыновьями для пользы человечества, как в свое время Авраам был готов положить Исаака на жертвенный алтарь. Никогда не будет забыта достойная аллегория Курция, прыгающего в доспехах в великую зияющую пропасть, которая отверзлась для того, чтобы поглотить Рим. Масонство будет стараться. И не его вина, если никогда не настанет день, когда человеку не придется более опасаться нападения и завоевания, узурпации власти над ним и вооруженного столкновения между народами, отступления цивилизации по причине всего лишь неудачной женитьбы монарха и возникновения наследственных тираний; разделения людей по воле Конгресса, нищеты как следствия упадка династии, столкновения двух религиозных течений, точно двух козлов в кромешной тьме на узком мосту Бесконечности; когда больше не будет нужды опасаться голода, грабежа, необходимости проституции от нищеты, нищеты как результата безработицы и прочего разбоя случайности в густом лесу бытия; когда все нации будут излучать Истину, как звезды – свет, каждая на своей орбите, не соприкасаясь и не сталкиваясь; и когда верховным правителем станет Свобода, озаренная звездами, увенчанная небесными светилами, а по обе руки от нее будут пребывать Мудрость и Справедливость.

В своих работах как Подмастерья вы должны руководствоваться **Разумом, Любовью и Верой**.

Здесь мы не будем распространяться о разнице между разумом и верой или утверждать приоритет того или другого. Но необходимо отметить, что даже в самых обыденных жизненных ситуациях мы зачастую скорее руководствуемся тем, во что верим, чем тем, что знаем; мы поступаем по вере и аналогии, и только потом – по разуму. Так называемый «Век разума» Французской Революции научил нас тому, что глупо и бессмысленно возводить Разум как таковой на трон. Разум небезупречен, если имеет дело с Бесконечностью. Здесь нам остается лишь чтить и верить. Несмотря на страдания достойнейших, нищету заслуживающих богатства, процветание тиранов и гибель мучеников, мы должны верить в то, что существует мудрый, справедливый, милостивый и любящий нас Господь, Который есть Разум и Провидение, стоящие надо всем и всеми и заботящиеся обо всем, о каждой мелочи нашего бытия. Вера необходима человеку. Горе тому, кто ни во что не верит!

Мы верим в то, что душа любого человека обладает некоей собственной природой и определенными качествами, она или благородна и щедра, или низменна и скупа, или благодетельна и привлекательна, или грешна и отвратительна; судим же мы по внешним проявлениям, только лишь по первому взгляду, не используя при этом средства познания. Мыверяем свое наследство подписи человека, находящегося на другом краю света, которого мы никогда не видели, подчиняясь лишь своей вере в то, что он честен и на него можно положиться. Мы верим в то, что некие события действительно имели место, судя о них по свидетельствам других. Мы верим в то, что одно желание может главенствовать над другим по законам, которые – ввиду многообразия природных явлений – разум не в силах объяснить.

Но мы не должны верить в то, что разум отрицает, в то, против чего восстает чувство справедливости, в то, что абсурдно или противоречит само себе, в то, что является опытом или результатом научных исследований, которые низвергают Божественную Сущность и представляют Господа мстительным, зловредным, жестоким или несправедливым.

Вера человека настолько же принадлежит ему, насколько и разум. Свобода его должна включать в себя свободу личной веры настолько же, насколько и свободу волеизъявления. Никто из жрецов и авгуров Рима и Греции не имел права требовать от Цицерона или Сократа веры в свою абсурдную и примитивную мифологию. Никто из имамов Ислама не имеет права требовать от язычника, чтобы он верил в то, что Джабраил продиктовал Пророку Коран. Все брахманы, когда-либо жившие на Земле, даже если их собрать всех в одном месте, точно конклав католических кардиналов, не наберут сил для того, чтобы заставить одного человека уверовать в индуистскую космогонию. Никакой человек или сообщество людей не могут быть настолько непогрешимы, чтобы решать, во что верить другому человеку касательно любой из отраслей веры, кроме тех, кто воспринял Истину из первых уст; любая религия или истина автора какого-либо Богодухновенного Писания не важнее и не нужнее, чем религия или истина такого же смертного, обладающего теми же знаниями и тем же умом. Домициан претендовал на то, чтобы называться богом; и его статуи и изображения из серебра и золота можно найти по всему миру. Он стремился быть почитаемым как бог всеми народами мира, и, если верить Светонию, он начинал свои письма так: «Наш господь бог повелевает, чтобы было сделано то-то и то-то...». Он официально объявил, что никому не следует обращаться к нему иначе как вышеизложенным образом, в письменном виде или устном. Философ Пальфурий Сура, главный его доносчик, обвиняя тех, кто не признавал божественной природы императора, – не имеет значения, насколько он сам верил в его божественную природу, – не имел права требовать этого от каждого из христиан Рима или его провинций. Рассудок далек от того, чтобы быть единственным руководством в морали и политической науке. Любовь и любящая доброта должны быть его постоянными спутниками, чтобы исключить влияние фанатизма, нетерпимости и ненависти, которым всем свойственна чересчур ограниченная мораль, а также чрезмерной принципиальности в решении политических проблем, которые неизменно решаются одинаково. Нам нужно также бесконечно верить в себя и в своих братьев, в остальных людей, или же нас несомненно победят наши соперники, и наше рвение остудят препятствия, встретившиеся на пути. Мы обязаны прислушиваться не только к голосу нашего рассудка: Сила приходит к нам скорее от Веры и Любви; и именно с их помощью человек восходит на высшие ступени познания Нравственности, то есть становится спасителем и избавителем человечества. Разум, без сомнения, должен стоять во главе, но то, что было перечислено выше, должно составлять его мотивационную силу. Это крылья человеческой души. Обычно энтузиазм немотивирован, но без него, как и без любви и веры, не было бы Ренци или Телля, или Сидни, чьи имена сейчас бессмертны. Если бы Бог был всего лишь всеведущим и всемогущим, Он никогда не создал бы Вселенную.

и

Лишь **гений** обретает власть; и главные его помощники в этом – **Сила** и **Мудрость**. Самые несправедливые из людей склоняются перед предводителем, который обладает достаточным разумом, чтобы видеть, и достаточной волей, чтобы действовать. Именно гений правит, руководствуясь Господней властью; он раскрывает с помощью своих советников сокрытые Мистерии человечества, разрушает одним своим словом неизмеримо сложные узлы и своим же словом восстанавливает руины. Его взгляд падает на бессмысленных идолов, чьи алтари долгое время украшали самые священные высоты и самые священные гроты. Перед ним замирают в смятении бесчестие и глупость. Единственное его «за» или «против» обосновывают правила или предают забвению грехи столетий, которые эхом потом отзываются в грядущих поколениях. Власть его неимоверна, ибо неимоверна его мудрость. Гений – это солнце политической сцены. Сила и Мудрость – это те орбиты, двигаясь по которым, его свет

проникает в самые темные уголки бытия, и одновременно усиливающие его своим отраженным светом Истины.

Развитие символизируется деревянным Молотком и Резцом; это развитие энергий и разума отдельной ли личности, общества ли в целом. Гений может встать во главе неразумной, необразованной, неэнергичной нации; но в свободной стране развивать сознание избирателей – это единственный путь к сохранению власти в руках образованных и гениальных правителей. Миром редко правят высокие духовные идеи, если только он не близок к полному уничтожению и возобновлению жизни в новом мире. В периоды больших перемен и упадка, во времена Долгих парламентов, в правление Робеспьеров и Маратов зачастую нити власти находятся в руках личностей, ни в грош не ставящих разум. Кромвели и Наполеоны приходят позже. После Мария и Суллы, после оратора Цицерона пришел Цезарь. Великий разум зачастую слишком остер для гранита этой жизни. Законодатели же могут быть вполне обычными людьми, поскольку составление законов – это вполне обычная работа; она включает в себя лишь окончательное словесное оформление воли миллионов людей.

Власть кошелька или меча в сравнении с властью Духа ничтожна и достойна презрения. Что касается земли, то здесь можно принять специальные аграрные законы о равном распределении. Но человеческий разум принадлежит только ему, он передан человеку в вечное владение непосредственно Богом. Это самое мощное орудие, которое могло быть вложено в руки паладина. Если люди понимают Силу лишь в физическом смысле, сколь возросло бы их к ней уважение, осознай они идею силы Разума! Спросите Гильденбрандта, Лютера, Лойолу. Они простираются перед ней ниц, точно перед идолом. Победа одного разума над другим – это единственная победа, которой можно жаждать и которой можно гордиться. Любая другая победа наносит ущерб и победителю, и побежденному, а весь ее фимиам развеивается от легкого дуновения ветра; грубо выполненный витой орнамент в конце концов разрушается сам по себе. Здесь, однако, можно увидеть смутную аллюзию на все владения Создателя. Здесь не нужны личности вроде Петра Пустынника. Если поток силен и широк, он, как вешние воды, достигнет сердец народа и возродит их к жизни. И наслаждение здесь будет не только и не столько в слове, сколько в самом процессе мышления. В этом – почтение к Непостижимому. Эта власть, неразрывно связанная с Любовью, есть золотая цепь, спускающаяся в колодец Истины, или же незримая цепь, связующая человечество.

Влияние человека на человека есть закон природы, будь это влияние за счет материального благосостояния или за счет интеллекта. Оно может означать рабство, неприятие священных прав человека. Человеческое общество духовно едино, как и вращающиеся сферы небес. Спасется лишь та страна, в которой правят разум и гений. Там, где они находятся на положении слуг, а правят другие влияния, жизнь нации недолга. Все нации, которые пытались поставить во главу угла низших своих, неспособных и неуважаемых, пришли в результате к краху. Конституции и законы, если правительство лишено гения и разума, не могут предотвратить распад. В этом случае гниение общества просто растягивается во времени.

Дать народу во владение сокровище Разума – вот единственный способ удержать и сохранить свободу. Необходима неустанная забота об интеллектуальном развитии народа со стороны тех, кто восседает высоко на ступенях общественной и политической пирамиды, со стороны благородных и высокоученых, а также со стороны тех, кто находится по общественному положению ниже их. Тогда политическая и общественная жизнь сама будет защищать всех граждан от самоуничтожения в духовных исканиях, от невежественных начинаний и низменной жадности, преподавая им наглядный пример справедливого и величественного правления. Поднимать уровень развития людей, преподавая им навыки любви и доброты, мудрости, отдавая всю власть тому, кто учит лучше всех, и таким образом созидать свобод-

ное государство из Грубого Камня – вот великая Работа, в которой масонство должно протянуть человечеству руку помощи.

Все мы должны активно участвовать в строительстве памятника Нации, Святая Святых Храма. Главные добродетели человечества ни в коем случае не должны, распределяясь между людьми, стать лишь привилегией немногих, точно какая-то специальность. Все мы в учениках у двух учителей – Долга и Чести.

Масонство есть путь и борьба за Свет. Для каждого человека, равно как и для каждой нации, Свет есть Благодетель, Мужество, Разум, Свобода. Тирания – над телом ли, над душой ли – есть тьма. Самые свободные из наций, равно как и самые свободные из людей, все время пребывают в опасности возвращения к рабству. Для республик, например, смертельно опасны любые войны. Они создают тиранов и концентрируют власть в их руках. Возникают же они, по большей части, из-за злонамеренных советов. Когда власть доверяется низшим сим и черни, законодательство и управление становятся всего лишь параллельными сериями ошибок и провалов, которые приводят в конечном итоге к войне, бедствиям и необходимости пришествия тирана. Когда народ чувствует, образно говоря, что ноги его разъезжаются, точно на льду, приходит время для вмешательства свыше. Блистательные тираны прошлого – всего лишь прототипы грядущих тиранов. Люди и целые народы всегда будут продавать самих себя в рабство, чтобы обрести удовлетворение своих страстей или из мести. Вечное оправдание тиранов, Необходимость, существует всегда; а когда тиран обретает власть, элементарный инстинкт самосохранения делает его дикарем. Религия – тоже власть, и ему необходимо обрести контроль и над ней. Если она независима, ее институты могут восстать против него. В таком случае обычно становится незаконным служить Господу так, как каждый конкретный человек считает нужным, и возрождается старинный религиозный и духовный деспотизм. Народу предлагается альтернатива: либо веровать так, как велит Власть, либо умереть; и даже если народ все же решается веровать так, как Власть считает нужным, все, что он имеет: земли, дома, тела и даже души, клеймятся королевским клеймом. «Государство – это я, – говорил крестьянам Людовик XIV. – Даже рубашки на ваших телах принадлежат мне, и если я захочу, я могу снять их с вас».

Установленные таким образом династии переживают века, как Римские цезари, Константинопольские василевсы, калифы, Стюарты, Испанские династии, готы, Валуа... пока народ не истощается и не устает, пока не начинают править безумцы и идиоты, которые, в частности, правят сейчас. Но в народе нет согласия, необходимого для того, чтобы свергнуть ненавистное иго. Государство может распасться изнутри, равно как и по причине влияний извне. Неистовые человеческие страсти, извечная леность человечества, упорное его невежество, соперничество различных человеческих каст служат монархиям не хуже мечей паладинов. Верующие так долго простирались ниц перед древним идолом, что они уже не в состоянии выйти на улицу и выбрать нового Далай-Ламу. И вот Государство плывет дальше и дальше по течению Времени, пока морской прибой не обнаружит, что вся его сила изъедена червями, и оно само не будет поглощено водой, погружаясь в Неведомое.

и

Гражданская и религиозная свобода идут рука об руку; преследования лишь закаляют их. Удовлетворение народа мыслями, преподанными ему священниками Церкви, будет его удовлетворением монаршей властью якобы Божьей Милостью, поскольку Церковь и Престол постоянно поддерживают друг друга и за счет друг друга существуют. Они будут подавлять раскол и пожинать измену и равнодушие; и пока вокруг них идет битва за свободу, они все более и более будут погружаться в рабство и глубокий застой, прерываемые изредка, возможно, неистовыми приступами безумия, за которыми следует беспредельное истощение.

Деспотизму весьма выгодно существовать в землях, где со времени основания государства народ знал только одного властителя; но это проблема не более тяжелая, чем укрепление и поддержание свободы в тех землях, где народ привык сам управлять своей жизнью, поскольку нужен не один-единственный всеобщий властитель: властвовать должны все. Очень легко предположить, что высоко вознесшийся Масаньелло всего через несколько дней падет ниже, чем он был до своего вознесения. Но свободное правительство возрастает в своей мощи медленно, как личные способности человека и как лесные деревья – от корня до кроны. Свобода есть не только врожденное право человека; ее легко потерять всякому, кто не использует это право или использует его неверно. Во многом она скорее зависит от всеобщего усилия, чем от способностей каждого конкретного человека. Она не есть священный колодец или Кааба для какой-либо нации в отдельности, ибо ее поток должен проистекать из самой почвы народа.

Свободная народная власть есть единственная власть, которая познается народом во всей своей мощи в минуту горести и бедствия, поскольку все испытания, жертвы и надежды принадлежат ей одной. Она должна обучаться думать сама за себя, а также действовать сама за себя. Когда народ-раб простирается в пыли перед ураганом, точно стадо перепуганных оленей в лесу, свободные люди не сгибаются под его порывами во всей своей силе единства, в круговой поруке, во взаимном доверии, в дружном противостоянии всему, чем не руководит длань Господня. Это единство не рушится под давлением бедствия, не возносится чересчур высоко под влиянием успеха.

Эта невероятная сила терпимости, или терпения, или стойкости, или исполнительности, приобретается только постоянным упражнением всех добродетелей, таких как здоровая человеческая физическая энергия, таких как личная нравственная энергия.

Само это у т верж ден ие – не менее верное, чем д ревнее: вечна я бдительность есть цена свободы. Весьма интересно бывает наблюдать за тем, каким образом тираны, известные в мировой истории, отнимали у народов их свободу. В указах Эдуарда ii, например, говорится, что судьи и шерифы не должны более избираться народом, поскольку во время их выборов часты бывают ссоры и даже бунты. Та же самая причина выдвигалась и ранее, для того чтобы запретить общенародные выборы епископов; и свидетелей этому можно найти даже в более древние времена, когда великий Рим потерял свою свободу потому, что его возмущенные граждане заявили, что шумная и ничем не ограниченная вольница лучше позорного спокойствия.

и

С помощью Циркуля и Наугольника можно измерить все фигуры математики плоскостей, которая носит еще названия планиметрии и тригонометрии. Геометрия, которую, как известно, символизирует литера G в большинстве лож, первоначально являлась наукой измерения земли или же землемерным искусством; тригонометрия же – это наука измерения треугольников, или фигур с тремя сторонами и углами. Последнее из этих двух слов в наибольшей степени подходит для оформления того понятия, которое в человеческом языке обозначается словом «геометрия». Правда, ни одно из этих слов не обладает достаточно широким значением, ведь, хотя глобальные обзоры больших земельных пространств и побережий, с помощью которых избегают кораблекрушений и бедствий матросы, выполняются при помощи прямоугольного измерения; хотя, пользуясь тем же самым методом, французские астрономы точно вычислили угол отклонения земли от оси вращения и смогли установить точную и непоколебимую систему мер и весов; хотя именно с помощью гигантского воображаемого треугольника, вершины которого располагались, соответственно, в какой-то точке земного шара, в какой-то точке Космоса сейчас и шесть месяцев спустя, и в центре

какой-то планеты или звезды, было установлено расстояние от Земли до Юпитера и Сириуса; и хотя существует еще один треугольник, гораздо больших размеров, основание которого простирается по обе стороны от нас до горизонта и за его пределы, в бесконечность, а вершина бесконечно далека от нас, уносясь в недостижимую высь; а этому треугольнику соответствует второй точно такой же, но вершиной вниз, то есть то, что наверху, уравнивает то, что внизу; бесконечность уравнивает бесконечность – все равно Наука о Числах, которой придавал столько значения Пифагор и Мистерии которой можно обнаружить практически во всех религиях древности, более всего в Каббале и Библии, не находит полного и достойного отражения в словах «геометрия» и «тригонометрия». Ибо эта наука включает в себя в профанском смысле этих слов геометрию, тригонометрию, арифметику, алгебру, логарифмическое счисление, науку об интегралах и дифференциалах, а кроме того, с помощью вышеперечисленных знаний разрабатываются глобальные вопросы астрономии и законов движения звезд.

и

Добродетель есть геройское мужество поступать так, как поступать следует, по общему признанию, несмотря на любых неприятелей, плотских ли, духовных ли, презрев всевозможные соблазны и напасти. Человек несет ответственность за верность добродетели в своем поведении, но не за его объективную правильность. Энтузиазм, горячее желание сделать что-то гораздо проще в исполнении, чем доброе дело. Мысль должна порождать действие, единственной целью религии должна быть этика. В политической науке теория бессмысленна, если она постоянно не реализуется на практике.

В любом кредо, политическом ли, религиозном ли, присутствуют две стороны, диалектическая и этическая, и только если эти две стороны гармонично проникают одна в другую, вырабатывается идеальная самодисциплина. Существуют сотни и сотни людей, которые диалектически являются христианами, точно так же, как есть сотни и сотни тех, кто диалектически являются масонами, но, с другой стороны, те же самые люди этически – атеисты или же профаны, причем, в самом буквальном смысле этих слов: они веруют теоретически, но атеисты на практике; это люди, которые свободно напишут вам сто «свидетельств» своей веры – плодов своих логических раздумий, но которые просто не в состоянии жить в соответствии с христианской или масонской нравственностью из-за чрезмерной силы или же, наоборот, слабости своей плоти. С другой стороны, существует множество интеллектуальных скептиков, тем не менее, этических верующих, как существуют и сотни настоящих и истинных масонов, которые никогда не были инициированы; и коль скоро этика есть первейшая цель всякой религии, следовательно этические верующие обладают наибольшей ценностью. Тот, кто поступает верно, во много раз лучше того, кто верно думает.

Однако ни в коем случае не следует подчинять все свои поступки той гипотезе, что все люди – лицемеры, чьи поступки никогда не совпадают с их устремлениями. Ибо никакой грех не настолько редок, ибо никакая задача не так сложна в исполнении, как постоянное лицемерие. Если демагог становится узурпатором, это ни в коей мере не свидетельствует в пользу того, что он всю свою жизнь лицемерил. Неглубокие личности всегда судят об окружающих по своим меркам.

Правда состоит в том, что вера в большинстве случаев весьма слабо влияет на общее поведение, в религии – человека, в политике – партии. В общем и целом мусульманин Востока гораздо честнее и заслуживает гораздо большего доверия, нежели христианин Запада. Евангелие Любви на устах – это Аватара Преследования в сердце. Люди, верующие в вечное проклятие и реальное море огня и кипящей серы, верят и в то, что сами обрекают себя на все вышеизложенное, как внушает им их вера, поддавшись лишь мимолетному иску-

шению страстями. Провидение настаивает на необходимости добрых деяний. В масонстве же о человеке плохо говорят за его спиной при малейшем проявлении страстей с его стороны; и поскольку мы пока что далеки от того, чтобы считать реальным истинное Братство в Голубом масонстве и правомочным использование в нем слова «брат», неимоверных усилий зачастую стоит внушить самим себе и своим братьям, что масонство есть организация, абстрагированная от страстей профанского мира и презирующая его дела и мерки. Наверное, можно признать всеобщим закон, состоящий в том, что там, где нужно сделать выбор, масон отдаст свой голос и использует свое влияние в политике или коммерции, чтобы помочь скорее менее образованному профану, чем высокообразованному масону. Кто-то может принести самому себе клятву в сопротивлении любой попытке незаконной узурпации власти, а затем стать готовым к действию и даже радостным пособником узурпатора. Другой может называть ближнего своего братом, а потом поступить с ним, как Иуда Искарот, или же ударить его под пятое ребро клеветой, происхождение которой невозможно выяснить, как Иоав ударил Авенира. Масонство не в силах изменить человеческую природу и сделать честных людей из прирожденных мошенников.

Пока вы все еще находитесь в стадии подготовки к Главному Посвящению и обучения тем принципам, которыми вам предстоит жить в будущем, никогда не забывайте слов апостола Иакова: «Ибо кто слушает слово и не исполняет, тот подобен человеку, рассматривающему природные черты лица своего в зеркале: он посмотрел на себя, отошел и тотчас забыл, каков он. Но кто вникнет в закон совершенный, закон свободы, и пребудет в нем, тот, будучи не слушателем забывчивым, но исполнителем дела, блажен будет в своем действии. Если кто из вас думает, что он благочестив, и не обуздывает своего языка, но обольщает свое сердце, у того пустое благочестие... Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? может ли эта вера спасти его?.. Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют и трепещут. Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва?.. Ибо, как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва».³

и

В политической науке – то же самое: свободные правительства и конституции, провозглашающие свободу, формируются в соответствии с очень простой и понятной теорией. Вообще не имеет значения, на какой конкретно теории они основаны, но важно то, что ни к каким серьезным выводам нельзя прийти без того, чтобы эту теорию основательно не проверить в споре и на практике. Уклонение от этой теории вследствие трусости и слабости, отклонение от нее вследствие веления сиюминутного логического решения, противоречие ей либо по воле страстей, либо по необходимости, либо по велению целесообразности – и вот уже у вас получается отрицание или нарушение прав, возникают законы, нарушающие первейшие принципы морали, может иметь место незаконная узурпация власти, презрение и непринятие во внимание законной власти.

Не следует также забывать, что, поскольку работающих на публику, самоуверенных, высокомерных почти всегда предпочитают (даже при условии самых больших неприятностей и кризисов для государства) высокообразованным, неимоверно умным и обладающим католической моралью, ибо они ближе к общему уровню населения и выборных законодателей, постольку и высшая истина обычно не принимается человечеством.

Когда Солон спросили, дал ли он своим согражданам наилучшие законы, каких они могли только пожелать, он ответил: «Самые лучшие, какие они в состоянии воспринять». Это очень и очень важное замечание, но, с другой стороны, как и всякое историческое изречение, эти слова настолько просты, что их редко понимают, а если и понимают, то зачастую неверно. В них – вся философия истории. В них содержится истина, которая – признай ее

человечество – сберегла бы ему уйму времени, потраченного на бесполезные, пустые споры, и направила бы его кратчайшим путем к осознанию прошлого. Истина же эта такова: все истины суть истины преходящие, а не вечные; и какая бы идея ни обрела достаточной силы и достаточной жизнеспособности для того, чтобы реализоваться на практике – религиозная, моральная, политическая, любая иная – и найти себе место под солнцем и адептов, все равно это была бы истина лишь на какое-то время, подходящая постольку, поскольку люди в состоянии ее воспринять.

Так и с великими людьми. Разум и личные способности народа можно измерить лишь одной меркой – великими историческими личностями, которых дарует ему Провидение и которых он принимает. Всегда были личности, чересчур великие для своего времени или для своих народов, или и то и другое. Таких личностей народы делали всего лишь своими идолами, и это можно понять.

Внушить совершенную истину или закон неспособному их воспринять, приземленному народу всегда было и пребудет вовеки бессмысленной тратой сил. Здесь, как и в том, что касается самих исторических личностей, нами должны руководить законы сочувствия. Мы не знаем, какие личные качества хотели бы видеть овцы воплощенными в своем пастыре. К личностям, чрезмерно возвысившимся интеллектуально, народ не испытывает симпатии, как не испытывает он ее к далеким звездам. Когда Берк, мудрейший из государственных деятелей Англии всех времен, вставал со своего места, чтобы высказать свое мнение, Палата Общин, точно по неслышному сигналу, мгновенно пустела. Мало сочувствия обычно вызывают в народе и совершенные Истины. Наивысшая из истин, непонятная обычному рядовому гражданину, как и наивысшая в своем развитии личность, и даже более того, будет казаться выдумкой или даже ложью. Умнейшие доктрины христианства и философии будут лишь неясным и подозрительным лепетом для, например, индейца племени Потавотоми. Популярное объяснение масонских символов замечательно подходит для тех толп, которые нынче наводнили Храмы, но это предел их возможностей в сочувствии и понимании. В первые свои годы католицизм был жизненной истиной, но потом он устарел и возник протестантизм, затем уже протестантизм расцвел и тоже пришел в упадок. Учение Зороастра было лучшим, что могли в свое время воспринять персы; учение Конфуция подходило китайцам; магометанство – арабам-идолопоклонникам того времени. Каждое из этих учений было истиной для своего времени. Каждое из них было в своем роде евангелием, провозглашенным Реформатором, и если кто-то из людей настолько несчастлив, что остается удовлетворен и доволен тем, что имеет, когда Реформатор стоит на его пороге, то это скорее его беда, чем вина. Таких людей следует жалеть, но отнюдь не преследовать.

Не ожидайте, что люди быстро склонятся к признанию истины или что их легко подвигнуть к правильному мышлению. Сложный и непредсказуемый человеческий мозг в состоянии затуманить и усложнить даже самое простое из того, что видно невооруженным глазом. Помните, что глупо требовать бесстрастности от присяжных; но требовать ее от больших групп людей в отношении любого из вопросов внутренней или внешней политики – просто опасное безумие. Больших трудов стоит заставить согласиться между собой по какому-либо вопросу даже двух конгрессменов или членов Конвента, и более того, редко когда можно заставить кого-либо согласиться с самим собой. Политическая церковь, которой даже, возможно, удалось поставить себя во главе всего и вся, в любом случае говорит тысячей разных уст. Как можем мы в таком случае заставить людей соглашаться или не соглашаться по какому-либо вопросу, выходящему за рамки компетенции примитивных органов чувств? Как нам измерить Беспредельное и Незримое меркой нашего практического разума? Спросите барашки на океанских волнах, о чем журчат они во время прибоя! Сколь многое из того, что доносится до нас с невидимых берегов, теряется в пути, подобно птицам, не долетевшим до жарких стран в своих стаях! Сколь бесплодно таращимся мы, силясь уви-

дети нечто большее за горизонтами Бесконечности! Нам должно хватать тех людей, которых прибило к нашим берегам прибоем бесконечного Океана, мы должны верить им, как дети, ибо для нас заказаны пути к исследованию сокрытых глубин.

Все вышеизложенное в первую очередь учит Подмастерье не удовлетворяться собственной мудростью. Гордость неверными теориями гораздо хуже простого невежества. Масону подобает смирение. Возьмите какой-нибудь тихий и спокойный момент человеческой жизни и включите в него объединенные идеи гордыни и обычной человеческой низменности – и вот уже это существо, порожденное моментом, гордо шествует по Бесконечности во всем величии своего ничтожества! Наткнутые на вселенскую ось, все небесные ветры вдувают в его кровь холод Смерти; душа его отлетает от его тела, точно мелодия от скрипичной струны. Денно и ночью, как пыль на колесах, вращается он внутри небес, сквозь лабиринты миров, и по обе стороны от него – пылающие создания Господни, гораздо далее линии горизонта его чувственных восприятий. Это ли существо, которое действует по своему собственному усмотрению, чтобы обрести Венец Славы, чтобы презреть собственную плоть, чтобы насмеяться над ближним своим, который произошел от той же земли, в которую суждено вскоре обратиться и ему, и насмешнику? Не ошибается ли человек в своей гордыне? Не страдает ли он? Не умирает ли он? Когда он пытается мыслить с помощью своего разума, не останавливают ли его трудности? Когда же он действует, неужели он никогда не падает жертвой искушения удовольствием? Когда он просто живет, свободен ли он от боли? Не искушают ли его болезни и страдания? Когда он умирает, избежит ли он обычной могилы? Гордыня не является неотъемлемой частью памяти Человечества. Скрамность должна соседствовать с брэнностью и искупать невежество, человеческие ошибки и несовершенство.

Таким же образом масон не должен стремиться к высоким должностям и почестям, не имеет значения, сколь он уверен в том, что в состоянии должным образом служить государству. Он ни в коем случае не должен искать, и тем паче добиваться почестей. Конечно, хорошо пользоваться благами, дарованными судьбой; но еще лучше смиренно воспринимать их потерю. Величайшие деяния совершаются не при свете дня и не ввиду всего народа. Тот, кого Господь наделил любовью к уединению, обладает дополнительным чувством; и среди многочисленных и достойных уважения природных чувств мы вдруг находим живительный бальзам, лечащий раны, полученные нами в многотрудной жизни в обществе, ибо стремление к одиночеству есть спасение от всех напастей нашей жизни.

Но и покорность настолько достойна почитания, насколько она лишена пассивности. Уход от активной деятельности – всего лишь проявление недостойного эгоизма, если он мешает дальнейшему процветанию других, и, с другой стороны, сколь достоин почестей этот уход, если это всего лишь уход в сторону, в тень, откуда, превратившись в своего рода оракул, деятель посылает свои советы человечеству! Только такого рода уход от активной деятельности присущ и единственно возможен для добродетельного и мудрого человека. Сама философия, которая побуждает этого человека искать покоя, заставит его признать бесполезность отшельничества. Низко пал бы лорд Болингброк в глазах своих пахарей и жнецов, если бы, даже находясь среди них на покое, равнодушно взирает бы на распутство какого-либо министра или продажность Парламента. Сколь мало интереса вызывали бы во всех окружающих его гороховые и бобовые плантации, если бы его горох и бобы заставили бы его забыть о том, что, хоть он и чувствует себя более счастливым, хозяйничая на ферме, все равно он принес бы гораздо больше пользы своей стране в Сенате, и если бы он не возобновил попытки хотя бы в качестве парламентского пристава вернуться в семью законодателей.

Запомните также, что разум совершенствуется, а сердце становится тверже и вернее в процессе образования. Замечательные уроки этики преподают нам законы движения небес-

ных тел, земных стихий, география, химия, геология, все остальные естественные науки. Вещи суть символы Истин. Их свойства – это также символы Истин. Наука, не наставляющая в нравственных и духовных истинах, суха и мертва; в ней не больше практической пользы, чем, например, в примитивном заучивании наизусть длиннейших рядов разрозненных дат или латинских названий насекомых или птиц.

Христианство, говорят, начинается со сжигания ложных идолов самими людьми. Образование же тогда начинается со сжигания нами самими собственных интеллектуальных и моральных идолов: наших предрассудков, понятий, тщеславия, наших неблагоприятных и бессмысленных целей в жизни. Особенно необходимо навсегда стряхнуть с себя узы вожделения к богатствам мира сего. Вместе со свободой приходит и желание продвигаться вверх по общественной лестнице. В этом состязании люди вечно падают, поднимаются, снова бегут и снова падают. Вожделение материального процветания и панический страх бедности заставляют печально хмуриться не одно достойное чело по всему миру. Игрок стареет, ловя за хвост птицу удачи. Узаконенная самой жизнью рулетка гонит юность прочь гораздо раньше положенного времени; и эта юность потом представляет старости неоплатные счета. Люди проживают свои жизни, как паровые машины, под огромным давлением, сотни лет как сотни месяцев; бухгалтерская книга становится библией, а чековая книжка – молитвенником.

Отсюда проистекает и вся неимоверно широко и глубоко распространившаяся практика повседневной жизни, этих безжалостных скачек, в ходе которых капиталист покупает свою прибыль ценой жизни своих работников, денежные спекуляции превращают позор и разорение нации в благосостояние немногих, где процветают все ужасы и свирепые законы Маммоны. Именно этот демон и вожделение высоких постов – вот две колонны, украшающие портик Храма Молоха. И неизвестно, какая из них наиболее опасна, первая или вторая, сплавленная из лжи, подлога и мошенничества. Во всех жизненных коллизиях они – близнецы, прекрасно подходящие друг другу, и если какой-либо из этих пороков овладевает душой несчастного, душа его остывает и разлагается, в конце концов погибая. Половину человечества души покинули задолго до физической смерти. Две эти алчности суть две разновидности нравственной проказы: они делают человека нечистым, и где бы ни удалось им найти в человеке ахиллесову пяту, они тут же распространяются, пока не покроют «проказою лютою от подошвы ноги его по самое темя его»⁴. Нечистым становится даже само сердце.

и

Александр Македонский оставил после себя одно высказывание, которое пережило славу его завоевательных походов: «Нет ничего достойнее труда». Только труд может подержать уважение даже к правителям. И если царь – действительно царь, эту должность он достойно использует для того, чтобы задавать тон в нравственности и нормах поведения народа, служить примером добродетели, возрождать старинный дух рыцарства, в атмосфере которого юность тянулась бы вверх, к истинному величию. В человеческом сознании работа всегда будет неразрывно связана с платой за нее, даже на самом высоком, августейшем уровне. Мы же в конечном счете должны придти к идее настоящей работы. Отдых, который следует за работой, несравненно слаще отдыха, следующего за отдыхом.

Да не вообразит себе Подмастерье, что низкоквалифицированная и грубая работа не стоит того, чтобы ее выполнять. Не существует установленных пределов квалификации доброго деяния, мудрого слова или благородного усилия. Ничто по природе своей не может быть слишком мало. Всякий, кто открыт для проникновения Природы в его душу, знает это. Хотя, действительно, абсолютное удовлетворение не может быть достигнуто через занятия философией, где описание причин лишь ограничивает следствие, и человек разума и рассудка впадает в неразумный и безрассудный экстаз от лицезрения разрушения мировых сил,

в ходе которого рождается Единство. Все работает на все. Разрушение не есть уничтожение, но напротив, воссоздание.

Алгебру можно применить к исследованию облаков, излучение звезд идет на пользу розовым кустам; никто из мыслителей не осмелится утверждать, что аромат боярышника бесполезен для движения созвездий вокруг своих орбит. Кто в этом случае способен вычислить путь движения молекулы? Откуда нам знать, что создание новых миров не определяется падением песчинок? Кто решится утверждать, что ему понятен механизм постоянных приливов и отливов бесконечно великого и бесконечно малого, эхо причин в безднах начинаний и лавинах созидания? Даже червь должен приниматься в расчет; малое – велико; великое – мало; по необходимости все приходит в равновесие. Существуют чудесные взаимоотношения между живыми и неживыми существами; в этом неистощимом Целом не существует презрения: все нуждаются друг в друге. Свет не переносит земные ароматы в небесные глубины, не зная, что с ними там делать; ночь распределяет звездное сияние между спящими растениями. Каждая летающая птица держит в своих когтях нить Бесконечности. Рост включает в себя рождение нового метеора, ласточкин клюв, пробивающий яйцо; он провозглашает человечеству рождение земляного червя и пришествие Сократа. Там, где кончается телескоп, начинается микроскоп. Который из них позволяет узреть большее? Плесень – это та же цветочная клумба, туманность – тот же муравейник звезд.

То же самое и даже более чудесное толкование относится и к явлениям интеллекта, и к явлениям материи. Стихии и основные принципы природы смешиваются, сочетаются, перекрещиваются, приумножаются, одни за счет других, до такой степени, чтобы моральный и материальный миры пришли к одному Свету. Все природные явления постоянно оборачиваются в своем действии на самих себя. В ходе космических перемен вселенская жизнь приходит и уходит в неизмеримых количествах, охватывая все невидимые глазу тайны перевоплощения, удовлетворяя всем снам человечества, привлекая к себе то одну душу, то другую, срывая звезды с неба, углубляя и расширяя свои лабиринты, созидая силу Света и стихию Мысли, – это жизнь, рассеянная и неделимая, могущая полностью рассеяться в пространстве, за исключением одной точки без длины, ширины и высоты, точки «Он Сам», сокращая все сущее до одного-единственного атома Души, помогая всему сущему расцвести во Господе; просвещая всех, какую деятельность кто бы ни вел в сокрытых от Света сумеречных механизмах Земли; приводя полет насекомого в соответствие с ходом вращения Земли; подчиняя, если, конечно, позволяет закон природы, произвольные передвижения кометы по небесной тверди роению инфузорий в капле воды. Это глобальный механизм, ведущим мотором которого является последний комар, а наименее значительным колесиком – Зодиак.

Крестьянский мальчик, указавший Блюхеру одну верную дорогу из двух (а вторая из них была непроходима для артиллерии), способствовал тому, чтобы тот вовремя прибыл на Ватерлоо и спас Веллингтона от поражения, могшего принести миру неисчислимые страдания, а также дал возможность союзникам положить конец военной карьере Наполеона, сослав его на крошечный каменистый остров. Небрежный кузнец, нерадиво отнесшись к подковыванию жеребца, может послужить причиной того, что конь захромает, оступится, и оборвется жизнь его седока, великого завоевателя, а тогда уже изменятся судьбы целых империй. Милосердный тюремщик позволяет поверженному и заключенному в крепость монарху закончить партию в шахматы перед тем, как быть отведенным на плаху; а в это время узурпатор гибнет и монарх снова восходит на престол. Неопытный мастеровой починая компас, по неумению или по собственной злой воле портит его, корабль следует по неверному курсу, волны поглощают Цезаря – и вот уже новая страница вписана в историю человечества. То, что мы называем случаем, есть всего лишь неотъемлемое звено в золотой цепи, неразрывно связующей все творения Господа между собой. Саранча, обитающая в песках Аравии, червь, разрушающий шелковый кокон – гордость и славу Востока, другой

червь, со своими собратьями пожравший запасы муки на мельнице и послуживший причиной голодной смерти работников и их детей на Западе, народных восстаний и их подавления, – такие же вестники Господней воли, как, например, землетрясение; и судьбы народов в большей степени зависят от них, чем от мудрости и мужества своих правителей и законодателей. Гражданская война в Америке может в конечном итоге перевернуть весь мир вверх дном; а войну эту может вызвать один-единственный голос какого-нибудь тупого балаганного борца или полубезумного фанатика, среди граждан ли, конгрессменов ли, вполне может быть даже, что это будет какой-нибудь невежественный мужлан из затерянной в прериях деревушки. Природное электричество вселенского со-чувствия, действия и противодействия распространено повсюду, среди небесных тел и в ткани солнечных лучей. Фауст со своей теорией классов и Лютер со своими проповедями достигли большего, нежели Александр Великий или Ганнибал. Иногда достаточно одной единственной мысли, чтобы низвергнуть древнюю династию. Одна глупая песенка сделала больше для свержения Иоанна ii, чем согласие епископов. Слова Вольтера, Кондорсе и Руссо прозвучат в веках, несмотря на все перемены и революции.

Запомните, что хоть жизнь и коротка, мысль и последствия того, что мы думаем или делаем, бессмертны; что никакие подсчеты еще не вывели точного математического закона соответствия между причиной и следствием. Молот английского кузнеца, повергнувший несправедливого чиновника, привел к восстанию, которое чуть не вылилось в целую революцию. Хорошо сказанное слово, достойно выполненное деяние, пусть устами и руками самого слабого и необразованного, не может не возыметь последствий. В большей или меньшей степени любое последствие любого деяния бессмертно и неизбежно. Эхо величайшего деяния может со временем замереть, как эхо крика среди горных высей, а то, что было сделано, может показаться людям безрезультатным и бессмысленным. А необдуманное деяние может привести к самым неожиданным явлениям: можно поджечь вагонетку рудокопов, летящую по рельсам в угольную шахту, а можно и вызвать взрыв и распад целой империи.

Мощь целого свободного народа зачастую оказывается в распоряжении одного-единственного и не всегда первостепенного человека в народе – ужасная и совершенно реальная мощь; ибо в этом случае народ мыслит одним мозгом и чувствует одним сердцем, но поднявшийся для удара кулак его состоит из мириад кулаков. И опять же, здесь не существует промеренной шкалы влияния различных умов на сознание народа. Петр Пустынник не занимал никакого общественного поста, но посмотрите, какую работу он проделал!

и

С политической точки зрения здесь существует один только принцип – верховная власть человека над самим собой. Верховная власть человека над самим собой называется Свободой. Когда две-три таких верховных власти находят общий язык, появляется Государство. Но в нахождении этого общего языка нет отречения от собственных прав. Каждая из вышеупомянутых верховных властей добровольно расстается с частью себя, чтобы сформировать общее право. И эта часть равна для всех и каждого. С каждой стороны в фонд общей и единой верховной власти поступают равные доли. Единообразие этой доли, которую каждый отдает всем во имя всеобщего блага, составляет Равенство. Общее право – не более и не менее чем защита всех и каждого, лучи которой падают на каждого из людей. Эта защита каждого всеми и есть Братство.

Свобода – это вершина, Равенство – основа. Равенство – это не попытка уравнивать, например, все типы растительности, чтобы на одном уровне произрастали и однолетние травы, и вековые дубы в атмосфере всеобщей ревности и борьбы за существование. Это применительно к человеческому обществу – равные возможности для всех; применительно к

политике – равные избирательные права для всех; применительно к религии – равные права для всех конфессий.

У Равенства есть свои способы воздействия: поощрения и обязательные наставления. Следует начать с права на начальное образование. Начальное образование обязательно для всех, высшее – доступно для всех. Таков должен быть закон. Из равных возможностей для образования всех и каждого произрастает государство равных. Образование! Свет! Все начинается со Света, и все к нему возвращается.

Если мы хотим быть мудрыми и поступать во всеобщее благо, нам нужно знать, что думают простые люди. Мы должны обращать свои взоры на людей: не на то, что даровала им старая подслеповатая Фортуна, а на то, что дала им Природа и как эти ее дары были использованы. Мы претендуем на то, чтобы быть абсолютно равными в церкви и в ложе; но совершенного равенства мы достигнем, лишь когда Господь будет вершить свой суд над Землей. Вообще же мы все можем просто пассивно, дружно и братски просидеть на земле все то непродолжительное время, которое мы привыкли называть нашей жизнью.

У демократического правительства, без сомнения, есть свои недостатки, поскольку оно состоит из людей и руководствуется людскими страстями, а не совершенно мудрыми богами. Оно не может быть таким же дисциплинированным и агрессивным, как деспотизм. Когда гнев его нарастает, оно само развивает в себе некую потенциальную мощь, перед которой трепещет любое восстание. Но обычно его правление терпимо, спокойно и неторопливо в своих решениях. Людей обычно сводят вместе, чтобы они сперва размежевались, а затем пришли к согласию. Утверждение, отрицание, обсуждение, решение – вот способы достижения истины. Правда, в таком случае враг часто оказывается у ворот раньше, чем голоса нарушителей спокойствия потонут в хоре, провозглашающем согласие. В том, что касается законодательных институтов, голос осторожности и иногда излишней осмотрительности преобладает над голосом решительности. Свобода может делать глупости точно так же, как Тирания.

Совершенное общество требует большей точности в определении своих требований к индивиду, и шаги всех новых государств все более и более затрудняются необходимостью балансировать на краю устаревших догм и новых поступлений в фонд человеческого познания. Сложность здесь состоит в необходимости продираться сквозь хаос мироздания в поисках верного пути. Кроме того, в условиях демократии значительно усложняется процесс определения того, что верно, а что неверно. Мы не в состоянии видеть и признавать относительную важность того или иного предмета или явления, находясь на ровной или же холмистой почве, в той же степени, как если бы мы находились на уединенном горном пике, возвышающемся над равниной; каждый смотрит на мир только сквозь свою собственную пелену тумана.

Также весьма обычна жалкая зависимость от голосов избирателей. Она столь же ничтожна, сколь ничтожна зависимость от воли министра или фаворита тирана. Очень редко найдешь человека, который может изречь истину, которая открылась ему, изречь открыто и честно, без страха немилости или, наоборот, признательности со стороны императора или народа.

И более того, в людских собраниях чаще всего не хватает взаимной веры, если только внутреннее единство не бывает вызвано величайшей опасностью извне для народа в целом. Следовательно, таким людским сообществам недостает созидательной мощи. Главнейшие достижения народов Европы в последнее время состояли в разрушении и предании забвению; отнюдь не в созидании. Но разрушение не есть реформа. Время должно в конце концов принести народу Восстановителя, истинного Реформатора.

Искусство человеческой речи также зачастую используется в демократиях не по назначению; и поскольку правомерное использование речи есть величайшая добродетель, зло-

употребление ею – величайший и смертнейший грех. По словам Платона, риторика есть искусство управления сознанием людей. Но в демократиях слишком часто бывает принято скрывать мысль за словами, уничтожать ее – попросту болтать чепуху. Посверкивание и отблески бликов на стенках мыльных пузырей пустого интеллекта ошибочно принимают за радужное сияние истинного гения. Ничего не стоящие медные обрезки принимают за чистое золото. Даже сам Разум в лучшем понимании этого слова иногда нисходит до интеллектуального фиглярства, подбрасывая в воздух и ловя на лету отдельные мысли и послышки. На всех наших конгрессах нескончаемым потоком течет болтовня, бездарно и по-мужицки скандалят представители разнообразных фракций, пока божественная мощь речи, этот высший дар человечества, наисвятейший дар Господа, не становится подобным бормотанию попугая или же кривлянию обезьяны. Пустопорожний вития, сколь красноречив бы он ни был, ничего не сможет ответить Господу в день Страшного суда на вопрос о его добрых деяниях.

Многие мужчины бывают говорливы, точно женщины, и столь же многоопытны в искусстве словесных дуэлей: расточители слов, скупцы в деяниях. Чрезмерное обилие слов, как и чрезмерное обилие размышлений, разрушает способность к действию. В человеческой природе мысль достигает совершенства лишь через действие. Мать их – молчание. Трубочка чаще всего – не самый храбрый из воинов. Победу одерживает сталь, а не медь. Великий деятель великих свершений чаще всего нетороплив и немногословен в своей речи. Некоторые люди рождены и воспитаны для того, чтобы предавать. Торгуют они патриотизмом, и капитал их – речь. Но никто из людей чести не смог бы проповедовать, как Павел, и в то же самое время быть насквозь лживым, как Иуда.

В республиках власть часто принадлежит самозванцам; они всегда в меньшинстве со своими сторонниками; те, кто защищает их, преследуют лишь своекорыстные цели; и несправедливость торжествует над справедливостью. Деспот львом рыкающим тотчас же прекращает всякие споры и дискуссии на свой счет, и речь, величайшее достояние человечества, очень скоро превращается в жалкую болтовню рабов.

Правда, что республики обычно очень редко, точно случайно, избирают мудрейших – или хотя бы наименее неспособных к управлению из всех неспособных – себе в правители и законодатели. Если некий гений, вооруженный знаниями и образованием, захватит бразды правления в свои руки, перед ним преклонят колени; если же он всего лишь скромно предложит себя на этот пост, то его встретят ударом в лицо, даже ввиду нешуточной опасности, смертельного бедствия для всего государства, когда его привлечение к руководству просто объективно необходимо. Попробуй совладай с комиссией, состоящей из нескромного, суеверного, самоуверенного, бесстыдного, жулика и шарлатана! Можно быть уверенным: ничего ты не добьешься! Вердикты, выносимые законодателями и даже народом, как и вердикты присяжных, лишь иногда, по воле случая, бывают верны.

Должности и почести, тем не менее, проливаются, точно небесный дождь, как на справедливых, так и на несправедливых. Римские авгуры, которые, по пословице, часто улыбались друг другу, потешаясь над невежеством народа, все равно были крепко связаны друг с другом общим подобием тайны; но не нужно никаких авгуров для того, чтобы сбить с Пути истинного целый народ. Люди сами с радостью обманут себя. Стоит появиться в мире какой-либо республике, не успеет она занять хоть какое-то место в мировом сообществе, как там на все посты уже выдвинуты Невежество и Глупость; во все ее святыни вторгается низменное Лицемерие, прикрывающееся маской Высокородности и Благородства. Начинает процветать самая неприкрытая Неправедливость, особенно в том, что касается законодательства; беспрестанно совершаются самые незаконные деяния, хотя каждое незаконное и несправедливое продвижение по службе не только незаслуженно награждает какого-то человека, но и незаслуженно оскорбляет нескольких более достойных.

Государство получает удар кинжалом в спину, когда лучшие места в партере занимают те, кому положено всю жизнь проторчать на задних рядах галерки. Каждый оттиск печати Чести, приложенный не к тому листу, следует считать украденным из сокровищницы заслуг.

Тем не менее, поступление на государственную службу и продвижение по ней влияют как на права личности, так и на права государства. Несправедливость в назначении на какую-либо должность, равно как и в не-назначении на нее, в демократическом обществе всеми должна почитаться столь же неприемлемой, как и государственная измена. Несомненно, не есть истина то, что все граждане одного и того же склада характера имеют одинаковое право стучаться в двери того или иного кабинета и быть обязательно радушно принятыми. Когда любой из граждан предлагает себя пусть на самый высокий пост, он имеет право надеяться на то, что он его займет, если покажет себя достойным его, покажет, что он достойнее всех остальных, кто стремится занять тот же пост. Заступление на эту должность должно осуществляться строго через ворота заслуг. И если некто претендует на такой пост и обретает его через нечестные, неблагоприятные или несправедливые деяния, то его должно всенепременно обезглавить. Он – самый опасный из всех врагов человечества.

Если же человек достойно покажет себя, то все обретут лишь славу, если достойно его примут. Если власть, дарующая возможность осуществлять продвижение по службе, страдает от злоупотреблений где бы то ни было в великом океане жизни, злоупотреблений со стороны народа ли, законодательной ли, исполнительной ли ветви, несправедливое решение тут же карой падет на голову самого судии. Ведь близорукость в восприятии истинно достойного почти всегда побуждается не только природой, но и личным желанием человека. Если смотреть действительно долго, пристально и честно, то наверняка сможешь заметить истинно заслуженного, гениального и высокообразованного; а глас народа и, следовательно, прессы, обязан низвергнуть несправедливость, где бы она ни подняла из праха свою безобразную голову.

«Орудия труда – рабочим!» Никакой иной основополагающий принцип не в состоянии справиться с пагубой и распадом, будь то в результате гражданской войны или просто нравственного разложения. Действительно, республики имеют стойкую тенденцию к саморазрушению, подобно человеческому телу, несмотря на все наши старания предотвратить это. Если же они проводят жестокий эксперимент по передаче нитей государственного управления малым сим, то с десятикратно увеличившейся скоростью немедленно скатываются в неизбежную пропасть; и ни одна республика пока что не избежала этого.

Однако сколь тяжкими и страшными ни были бы врожденные пороки демократических правительств, сколь неизбежным и плачевным ни был бы их обычный конец в мировой истории, стоит только бросить взгляд на режимы Тиберия, Нерона и Калигулы, Гелиогабала и Каракаллы, Домициана и Коммода, как сразу же приходится признать, что разница между свободой и деспотизмом столь же велика, сколь разница между Раем и Адом. Жестокость, непоследовательность и безумие тиранов неизмеримы. Пусть тот, кто привык сетовать на падение нравов и непоследовательность свободного народа, прочтет сочинения Плиния о правлении Домициана. Если в республике великий человек не в состоянии занять соответствующее его способностям положение в обществе без того, чтобы снизойти до дешевого фиглярства, рыдающего попрошайничества или, пусть и мудрого, использования ползучей лжи или клеветы, то лучше бы он так и остался не у дел и его оружием в жизни оставалось лишь перо. Ни Тацит, ни Ювенал не занимали государственных постов. Пусть История и Сатира наказуют самозванца и распинают деспота. Месть разума справедлива и ужасна.

Пусть же масонство использует перо и печатный станок в свободном государстве против демагогии, при деспотическом режиме – против тирана. В истории на этот счет существуют ободряющие примеры. Вся история, четыре тысячи лет которой полнятся всевозможным попранием прав человека и страданиями целых народов, в каждый свой период

порождает такого рода протест. При цезарях нечесты были восстания, но был Ювенал. Волна народного возмущения смела Гракхов. При цезарях же был изгнан Сеян; но в то же время жил автор «Анналов». Если Нероны живут в царстве Тьмы, то так и следует их изображать. Просто выгравированная на камне резцом картина бледна: в прорези нужно залить краску, а наша краска – жалящее, проникающее глубоко в душу слово.

Деспоты – извечные помощники мыслителей. Скованное слово есть слово ужасное. Писатель в два и три раза улучшает свой стиль, когда на уста народа «хозяином» наложена печать молчания. Из этого молчания пробивается некая таинственная полнота сознания, которая проникает в каждый разум и остается там навечно изваянием Духа. Притеснение в мировой истории всегда пробуждало высшие душевные порывы в историках. Гранитная мощь какого-либо общепризнанного и всеми прославляемого произведения часто есть продукт мысли, сдавленной тираном. Тирания побуждает писателя сужать диапазон своих изысканий, но тем самым увеличивается глубина его проникновения в предмет. Время Цицерона, которому не доставало места в узких рамках правления Веров, потеряло бы весь свой колорит при Калигуле.

Демагог – предтеча Деспота. Один – плод чресл другого. Тот, кто низменно льстит и ластится к власти предержавшим, непременно предаст, как Искарот, доказав свою низменную и иногда даже жалости достойную природу. Так пусть же новый Юний наказует таких людей плетью, как они того заслуживают, а история делает их бессмертными в их бесчестии, ибо они всегда ведут человечество к упадку. Республика, которая поощряет и продвигает вверх неумных, суеверных, низменных, «что грифом | На падаль ринутся, что должно-стью зовется», в конце концов обязательно прольет кровавые слезы над своим фатальным просчетом. Плодом такой ошибки высшего порядка должно стать Всевышнее проклятье. Так пусть же честь, обращенная в справедливость и истину, разможит этих существ, как небесная молния! Если более ничего не остается, их можно победить, проголосовав против них или подвергнув бойкоту и ostracismu.

Правда то, что, поскольку Цари обладают абсолютной властью, они могут выбирать на государственную службу только лучших из лучших. Правда и то, что основатели династий обычно так и поступают; а также то, что когда монархии находятся на гребне своей славы и мощи, глупость и помпа не воцаряются, не процветают и часто не получают как такового доступа к власти, как это, напротив, зачастую встречается в республиках. В парламенте королевства никогда не получается так, что чепуху несут абсолютно все, как это бывает в республиканском конгрессе. Неспособным к исполнению своих обязанностей туда путь заказан, сколько они ни пытайся.

Но обычно династии скоро выдыхаются и вырождаются. В конце концов они впадают в полнейшее вырождение; и в этом случае самые скучные и необразованные из членов Конгресса могут казаться гениями на фоне подавляющего большинства властителей. Великие личности: Юлий Цезарь, Карл Великий, Кромвель, Наполеон – властители Божьей милостью. Они просто мудрее и сильнее всех. Если же власть обретает неспособный править или просто идиот, то он, несомненно, узурпатор, и страх делает его жестоким. После Юлия пришли Каракалла и Гальба; после Карла Великого – безумный Карл vi. Так пришли в упадок Сарацинская династия, Капетинги, Стюарты, Бурбоны; и последними их представителями были Бомба или же обезьяноподобный Домициан.

и

По своей природе человек жесток, как тигр. Варвар и орудие тирана, цивилизованный фанатик наслаждаются страданиями другого, как дети – конвульсиями насаженной на

булавку мухи. А абсолютная власть, всегда основанная на страхе потерять ее, не может не быть жестокой.

Что касается способности к управлению, то практически все династии утрачивают ее спустя всего несколько поколений после основания. Правители становятся примитивными мошенниками, управляемыми министрами, фаворитами или придворными шаркунами, как этрусские цари, долгие века ходившие облаченными в позлащенные царственные одеяния, испарявшиеся при первом луче солнца. Пусть тот, кто сетует на превратности демократического правления, спросит у самого себя, предпочтет ли он им, например, мадам дю Барри или мадам де Помпадур, правящих именем Людовика хv; Калигулу, сделавшего консулом своего коня; Домициана, этого «наистрашнейшего монстра», который иногда забавлялся питьем крови своих родственников, иногда – самоличным убийством знатнейших граждан, перед воротами дворца которого несли бессменную стражу Страх и Ужас; тирана ужасного вида с пышущим гордыней чело, с глазами, источающими молнии, постоянно ищущего тьмы и тайны, появляющегося из мрака своего одиночества только лишь затем, чтобы принести одиночество другим. В конце концов, при свободном правлении законы и Конституция стоят над всеми неспособными судить самостоятельно, суды следуют законам, а прокурорский надзор следит за тем, чтобы они им следовали. Что такое, в конце концов, обесценивание и безумие государственной службы при демократическом правлении по сравнению с процессами ведьм, пытками в темных подвалах Инквизиции, бойнями, устраиваемыми в Нидерландах Альбой, Варфоломеевской ночью и Сицилийской вечерей?!

и

Аббат Баррюэль в своих «Записках по истории Якобинства» утверждает, что масонство во Франции, как одну из своих бывших тайн, выдало слова «Равенство» и «Свобода», оставив каждому честному и религиозному масону право толковать их сообразно своим собственным принципам, однако, по его же словам, оно оставило за собой исключительное право толковать их истинное значение в своих высших градусах в соответствии с принципами Французской революции. Кроме того, он отдельно оговаривает тот аспект, что английским масонам его проклятие не адресуется, ибо в Англии масон – это довольно мирный объект воздействия государственной власти, вне зависимости от того, где он находится в данный конкретный момент, который ни за что не будет участвовать в каких бы то ни было заговорах, пусть и против наихудшего из правительств. Англия, утверждает он, ненавидит равенство и свободу, которые принесли на ее землю ужасы восстания лоллардов, борьбы анабаптистов и пресвитериан; и ее масонство «очищено» от всех идей, которые могли бы пошатнуть устои Империи; однако он не исключает и той возможности, что и в английском масонстве остались адепты разрушительных идей, тесно связанных с Мистериями древности.

и

Поскольку истинное, немансипированное масонство всегда выступало под знаменами Свободы и Равноправия, было само по себе восстанием против материальной и духовной тирании, его ложи были объявлены вне закона государственным актом Нидерландов в 1735 году. В 1737 году Людовик хv запретил его во Франции. В 1738 году папа Клемент хii издал против масонства знаменитую буллу отлучения, которая была подтверждена Бенедиктом хiv; а в 1743 году масонство было запрещено эдиктом Государственного совета в Берне. Заглавие буллы папы Клемента "In eminenti" полностью звучит как «Проклятие тайного общества de Liberi Muratori, или Вольных Каменщиков, под угрозой отлучения от церкви ipso facto⁵,

окончательное решение по каковому поводу сохраняется только лишь за Папой, исключая случай смерти». И по ней всем епископам, аббатам и инквизиторам даровалась власть расправляться с масонами как с «серьезно подозреваемыми в ереси» с привлечением, если в этом возникала необходимость, государственной системы подавления; то есть булла давала право расправляться с масонами и светским властям, вплоть до смертной казни.

И

Кроме того, неверные и рабски подражательные политические теории в итоге приводят к одичанию всех государственных структур. Например, примите лишь посылку, что должности должны раздаваться в награду за услуги или помощь, оказанные какой-либо партии, и вскоре все они станут добычей и предметом раздора для многочисленных фракций, контрибуцией, полученной после победы какой-либо из фракций, – и настоящей проказой в масштабах государства. Тело любого государственного объединения превращается в гниющую разлагающуюся массу, как тело живого существа, пораженного сифилисом. Все ни на чем не основанные теории в конце концов перерастают в страшнейшие и отвратительные болезни государственной системы в целом. Государство, как любой человек, должно постоянно прилагать немалые усилия к тому, чтобы не сходить с пути мужества и добродетели. Традиция подачи прошений на какую-то должность и протекции перерастает в традицию подкупа и коррупции.

Человек, избранный на некую должность, таким образом обретает некий вотум Божественного доверия. Никакой народ не может отрицать волю Провидения и его влияние на жизнь человеческого общества и процессы, протекающие в нем. Не может этого и масонство. Оно должно, со своей стороны, прилагать все усилия к тому, чтобы делать свое дело умеючи и мудро. Мы должны всегда помнить о том, что в свободных государствах, равно как и в государствах, где правит деспотизм, Несправедливость, верная супруга Притеснения, – плодovitая мать Обмана, Недоверия, Ненависти, Заговора, Предательства и Измены. Даже в борьбе против тирании нашими главными орудиями должны быть Истина и Разум. Мы должны, как пуритане былых времен, выступить в это сражение, или же в бой с несправедливостью, которая может возникнуть и при свободном правлении, с пламенеющим мечом в одной руке и с Божьим пророчеством – в другой.

Гражданин, который не в состоянии выполнить обязанности простого подданного государства, тем более не будет в состоянии выполнить более ответственные обязанности. Огромная сила выдержки, снисходительности, терпения и исполнительности свободного народа приобретает только в результате ежедневной тренировки всех этих качеств, как физическая сила любого человека. Если у граждан нет этих качеств, государству обычно приходится как-то существовать без этого. Одна из основных черт свободного правления состоит в том, что весь народ должен не только интересоваться тем, какие принимаются законы, но и тем, как они выполняются. Ни один гражданин не будет столь усерден в следовании закону и в поддержании его действенности, как тот, который участвовал в его выработке. Государство работает на благо всего народа, и в этом случае важны содействие и помощь каждого гражданина.

Также следует всегда помнить, что существует еще одна мель, на которую может сесть свободное государство: это общая тенденция свободных государств к разделению своего населения на слои, созданию каст, распространению *jus divinum*⁶ на должностных лиц и на семейную жизнь граждан. Чем демократичнее государство, тем вернее оно в конце концов приходит к этому. По мере того, как демократическое государство набирает мощь, оно приобретает стойкую тенденцию к централизации, отнюдь не по злему наитию, но просто по ходу событий и по вялости человеческой природы. Исполнительная власть тогда непомерно

разрастается, для того чтобы привести все население к одному знаменателю; а между тем исполнительная власть всегда носит агрессивный характер, принимая, конечно, во внимание специфику отдельных наций. Разрастается и количество государственных должностей, для того чтобы наградить всех самых активных борцов; затем грубая сила отбросов общества и представителей низших классов набирает все большую мощь сперва в низших уровнях структур управления, потом – в государственных сенатах; бюрократия поднимает свою лысую голову, ошетилившись перьями, прикрывшись очками и закутавшись в кольчугу из канцелярских скрепок. Искусство управления нисходит до положения ремесла, и в его цеха допускаются отныне только избранные, как в цеха Средневековья.

Политическую науку можно постоянно совершенствовать как предмет научных дискуссий, но никогда и ни за что не следует отрывать ее от насущной необходимости данного конкретного государства. Наука об управлении народами всегда должна носить скорее практический характер, нежели теоретический. В ней никогда не будет столь же много неоспоримых и непреложных истин, сколько бывает в более общих науках: то, что оказывается истинным для одной страны, зачастую бывает ложью для другой; то, что есть истина на сегодняшний день, может оказаться ложью для грядущих поколений, более того – сегодняшняя истина может быть опровергнута завтрашней концепцией. Отличить вечное от преходящего, отделить подходящее от неподходящего, предоставить все возможности для дальнейшего прогресса – вот цель любой политики. Но без реальных знаний и опыта, без содружества трудящихся мечты докторов наук от политики будут не более реальны, чем размышления докторов наук от богословия. Правление этой касты с ее таинствами, с ее клеветами и с ее разлагающим влиянием может быть столь же фатально для народа, сколь и правление деспота. Тридцать тиранов в тридцать раз хуже одного.

Кроме того, для власть предержащих существует невероятно сильный соблазн стать столь же ленивыми и безрассудными, как последние из абсолютных монархов. Дайте им лишь возможность по первому своему капризу отстранять от должности мудрых и действительно великих людей и на значать на их места низменных подхалимов, как они тут же впадут в бездействие и безразличие. Централизованная власть, создание народа, хорошо организованная и мудро устроенная, даже и не просвещенная – это тот суд, который нация избирает для себя самой, для излечения пороков и торжества справедливости. Вскоре она научается сама себя снабжать необходимыми механизмами и, спустя некоторое время, уже готова к действию и противостоянию любым вмешательствам извне. Народ всю свою жизнь может пробывать ребенком. Централизованная власть может оказаться не в состоянии в нужный момент предложить наилучшее, совершенное с научной точки зрения решение какой-либо проблемы; но у нее есть все средства для того, чтобы преобразовать абстрактную идею в реальные действия. Если преследуется некая дальняя цель, она требует длительных размышлений над собой; ее должна осуществлять централизованная власть. Если же цель невелика и недалека, то достигнуть ее можно и при условии разногласий в высших эшелонах власти. Но иногда центральной власти стоит вступить в центр этих разногласий с позиции всеобщего арбитра и пресечь их. Народ может быть слишком консервативен в отношении перемен, слишком ленив в решении собственных проблем, несправедлив в отношении меньшинства или большинства. Центральная власть просто обязана подобрать бразды правления, когда народ бросает их.

Франция обрела централизованную власть скорее вследствие невежества и безразличия народа, нежели вследствие усилий ее тиранов-королей. Когда жизнь и быт гражданина отдаются на откуп государству, а улучшение благосостояния церкви требует предварительного письменного распоряжения центральной власти – значит, народ впал в детство. Таким образом, народ воспитывается в полном идиотизме с самого своего рождения для общества. Когда государство само кормит часть населения, оно готовит из этих людей рабов для себя.

Если же оно отдает распоряжения в области быта и местного управления – они уже рабы. Следующим шагом должно стать государственное регулирование труда и заработной платы.

Несмотря ни на какие глупости, которые может совершить свободный народ, пусть даже он в один «прекрасный» момент передаст-таки всю власть в руки обладающих небольшой компетентностью и еще меньшей честностью, отчаиваться не стоит. Жестокий учитель Опыт, который каленым железом выжигает свои уроки в сердцах, опустошенных невзгодами и потрясенных страданиями, со временем заставит своих учеников усвоить их. Живите же верой и продолжайте борьбу против всевозможных невзгод и напастей! Вера – спаситель и избавитель для всех народов. Когда христианство ослабело, потеряло былую власть над умами и перестало казаться людям «выгодным», точно вихрь, все сметающий на своем пути, появился Великий Арабский Иконоборец и новый Пророк. Накануне битвы за Дамаск христианский епископ на рассвете в полном парадном облачении во главе своей многочисленной свиты вышел к городским воротам и развернул перед войском Благоую Христову Весть. Христианский же полководец Фома положил руку на Писание и произнес: «О Господи! Если вера наша истинна, помоги нам и не предай нас в руки ее врагов!». Но Халиб, «меч Господень», который шел непрерывно от победы к победе, воскликнул перед строем своих изможденных воинов: «Не спать! Все мы отоспимся в райских кущах; и там уже за отдыхом не будет вновь следовать тяжкий труд!». Таким образом, вера арабов оказалась сильнее, и они одержали победу.

Меч, кроме того, по Библии, является символом речи, или изложения мысли. Таким образом, с этой точки зрения, при условии, что мы помним видение патмосского изгнанника, протест во имя идеала, поглощающий реальный мир, ни с чем не сравнимая сатира на этот мир во имя религии и свободы, огненное эхо, которое смело престол Цезарей, – это обоюдоострый меч, исходящий из уст образа Сына Человеческого, чело которого окружают семь золотых светильников, а в деснице держит он семь звезд.⁷ «Господь призвал Меня от чрева, от утробы матери Моей называл имя Мое; и соделал уста Мои как острый меч»,⁸ – говорит Исаия. «Я поражал через пророков и бил их словами уст Моих»,⁹ – говорит Осия. «Ибо слово Божие живо и действенно, и острее всякого меча обоюдоострого, – пишет автор Послания к Евреям, – оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные».¹⁰ «...А паче всего возьмите щит веры, которым можете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие»,¹¹ – пишет Павел в Послании к Ефесеям. «И Ангелу Пергамской церкви напиши: так говорит Имеющий острый с обеих сторон меч»,¹² – добавляет он же в «Откровении...».

и

Поток полемики может накатывать с силой приливной волны, но точно так же, как эта волна, он замирает и погибает, поглощаемый песками, услышанный немногими, запомнившийся еще более немногим; он со временем растворяется в воздухе, как горное эхо, не оставляя по себе ни малейшего знака былого величия. Он – ничто ни для ныне живущих, ни для грядущих поколений. Только письменная человеческая речь придала мощь и возможность сохранения в веках человеческой мысли. Именно она делает всю историю человечества одной цельной жизнью.

Писать на скале – значит, писать на пергаменте, который выстоит многие века, но чтобы увидеть написанное, нужно, по меньшей мере, дойти до этой скалы. Кроме того, эта надпись существует лишь в одном экземпляре, а время вскоре уничтожит и его. Писали в

свое время и на звериных кожах, и на папирусе, но это означало создать опять-таки лишь один экземпляр записи, да и то доступный лишь богатым. Китайцы унифицировали не только способы изложения древних преданий, но также перенесли эти стереотипы на изложение текущих событий в своих летописях. Мысль в этих условиях душилась, а прогресс тормозился, поскольку в мыслящих умах постоянно происходит брожение, и Истина запечатлевает свое последнее слово не на чистых таблицах, а на длинном свитке, созданном заблуждениями и с тех пор неоднократно подвергавшемся правке.

Книгопечатание расцвело и начало плодоносить с изобретением подвижного шрифта. С этого момента речи ораторов стали «слышны» всем желающим их услышать народам; и автор какой-либо речи, как Папа Римский, мог размножить ее и сделать доступной всей Вселенной, *urbi et orbi*¹³, приказав расклеить ее на всех площадях и рынках, оставаясь, если он того хотел, невидимым и неизвестным своим читателям. С этого момента следует отсчитывать начало конца тираний. Сатира и памфлет стали настоящим и сильнейшим оружием. Невидимые руки Юниев могли метать молнии и расшатывать престолы первосвященников и сенаторов. Простой шепот такого «гиганта» наполняет собой всю землю, как голос Демосфена – агору. Скоро антиподы смогут слышать его с той же легкостью, с какой внимают ему ваши знакомые с соседней улицы. Со скоростью молнии он пересекает океаны. Он делает людскую массу одним единым организмом, говорит с нею на доступном ей языке и получает несомненный и чаще всего одобрительный ответ. Речь переходит в мысль, а затем – в действие. Народ становится одним целым в самом священном смысле этого слова, с единым сердцем и единым бьющимся в унисон пульсом. Каждым гражданином всегда ощущается незримое присутствие всех остальных; они для него – как добрые духи или ангелы-хранители; и одинокий мыслитель, затерявшийся где-то далеко в альпийской деревушке, никому не известный или всеми давно позабытый, один среди холмов и овечьих отар может в одно мгновение сделать свою мысль достоянием всех народов за всеми океанами.

Выбирайте себе в законодатели мыслителей и избегайте пустобрехов. Мудрость редко когда многословна. Вес и глубина мысли находятся чаще всего в обратной пропорции к обилию слов, необходимых для ее выражения. Неглубокие и суеверные мысли часто выражаются многословно, и поэтому нередко сходят за изложенные «красноречиво». Больше слов – меньше мысли. Это общее правило. Человек, желающий сказать нечто, из чего каждая фраза должна запомниться, становится разборчив в выборе слов, и речь его становится краткой, как речь Тацита. Низменные же люди часто прибегают к многословию. Словесные украшения, за которыми не стоит сила мысли, – это пустая мишура болтовни.

Средний гражданин не может полностью оценить также и тонкостей диалектики. В христианской вере она есть, и раньше ее было в ней больше, чем в наши дни; больше тонкостей, которые в свое время так привлекли к этому учению Платона и которые вместе с тем сумели обратить в бессмысленную обрядность учения раввинов древней Иудеи и мудрость древнеиндийских сказаний. Не она переубеждает язычника. Бесполезно балансировать величайшими достижениями мысли человечества, точно соломинками на кончике пальца, в ходе дискуссии. Это не то, что могло бы заставить образ Креста навечно воссиять в сердцах неверных; настоящая мощь пребывает в Вере.

Таким образом, именно политическая схоластика оказывается совершенно бесполезной. Проворное изложение логических тонкостей никогда не возбуждает сердца людей, и ни в чем не убеждает их. Но настоящий апостол Свободы, Равенства и Братства материализует их и делает вопросом жизни или смерти. Его битва – это битва Боссюэ, битва не на живот, а на смерть. Настоящий апостольский огонь подобен молнии; он выжигает веру на плоти души. Истина – действительно обоюдоострый меч. Вопросы настоящей политической науки вряд ли можно решить только лишь способами, предлагаемыми разумом и здравым смыслом, пусть это даже здравый смысл не профана, а мудреца. Самые изощренные мудрецы

редко выбиваются в полководцы человечества. Лозунг или призыв имеют больше власти над народом, чем самая твердая логика, особенно если в них как можно меньше метафизики. Когда на политическую сцену поднимается новый пророк, чтобы пробудить ото сна застоявшуюся в бездействии нацию, предотвратить ее падение в бездну, потрясти землю, подобно вулканическому извержению, сбросить бессмысленных идолов с их позлащенных престолов, – слова его исходят прямо из уст Господа и намертво впечатываются в людское сознание. И он будет увещевать, учить, предостерегать и править. Истинный духовный меч острее самого острого дамасского клинка. Такие люди правят своими землями властью справедливости, мудрости и своей собственной силы. Все же люди, знакомые с тонкостями диалектики, чаще всего правят хорошо, поскольку часто на практике они забывают о своих столь тщательно выверенных теориях и пользуются лишь примитивной логикой здравого смысла. Но если великий ум и беспокойное сердце в быту оставлены за сферой интересов правителей, если мелкие чиновники, дилетанты в политике и те, кто в большом городе был бы лишь банковским клерком или же записным адвокатом беднейшего квартала, становятся законодателями, государство оказывается на пороге своей кончины, пусть даже оно еще «не бреет бороды» по своей молодости.

В свободной стране слово также должно быть свободным, и государство должно внимать бормотанию глупцов, трескотне пустых сорок-говорун, реву всех ослов общества так же, как и перлам мысли величайших и мудрейших своих граждан. Даже самые деспотичные из правителей прошлого позволяли своим шутам говорить то, что те думали. Настоящий алхимик извлечет уроки Мудрости и из бессвязного бормотания Невежества. Он услышит то, что хотел бы сказать говорящий даже в том случае, если тот окажется в итоге своей речи королем глупцов в глазах всех своих слушателей. И глупец иногда попадает своим словом точно в цель. Иногда Истина содержится и в словах тех, кто, будучи не в состоянии по недостатку образованности оперировать чужими мыслями, развивает ход своих. Даже перст полного невежды может указать верный путь.

Народы, как и мудрецы, должны учиться забвению. Если они не учатся новому и не забывают старое, дни их сочтены, пусть они и процветали веками. Разучиваться – значит, учиться; иногда, кроме того, необходимо заново учиться ранее забытому. Глупости прошлого помогают лучше понять ошибки настоящего точно так же, как карикатура, доводящая до гротеска безвкусную современную моду, служит скорейшему ее забвению.

Шуты и фигляры хороши и полезны на своем месте. Вдохновенный художник и мастеровой – такой, например, как Соломон, – извлекают из Земли материалы для своих работ, превращая несовершенную материю в блистательные произведения искусства. Головой мир можно покорить гораздо скорее, чем руками. И никакие дебаты в любом общественном собрании не могут длиться вечно. Со временем, выслушав достаточно речей, оно само выделяет из своих рядов всех неумных, поверхностных и предубежденных, перестает прислушиваться к их мнениям, потом думает само – и приступает к работе.

Человеческая мысль, особенно в общественном собрании, течет по невообразимо извилистым и неровным руслам, и проследить ее путь труднее, нежели неисчислимые течения мирового океана. Ни одно мнение не может оказаться достаточно абсурдным, чтобы не найти там места для себя. Истинный мастеровой должен подступать к этим предрассудкам вооруженный своим тяжелым двуручным молотом. Они разлетаются прочь с его дороги; они бегут во мрак под быстрыми как молния взмахами его меча; но вместе с тем, они неуязвимы для логики, и нет у них ахиллесовой пяты. С предрассудками должно сражаться кистенем и булавой, боевой секирой и обоюдоострым двуручным мечом; рапира здесь не полезнее дамского веера, если это, конечно, не рапира насмешки.

Меч – это также символ войны и воина. Войны, как и грозы, необходимы для того, чтобы время от времени очищать застоявшуюся атмосферу. Война – не демон, лишенный

сочувствия и угрызений совести. В языках ее пламени возрождается братство. Если народ засиживается в мягких креслах, утопает в покое и бездействии, а лень, бессилие и ничтожество занимают в государстве ведущее положение, война – это крещение огнем и кровью, в котором и только в котором народ может возродиться для новой жизни.

В воззвании народов к Богу содержится признание Его всемогущества. Оно зажигает огни на маяках Веры и Свободы и согревает честных и верных в их следовании к бессмертию и славе. В войне есть все: угроза поражения, непримиримое чувство долга, будоражащее кровь сознание чести, бесчисленные священные жертвы и счастье победы. Даже в огне и дыму сражения должен масон найти своего брата и исполнить священные обязательства, возложенные на него Братством.

Число 2, или Диада, – это символ вечного антагонизма Добра и Зла, Света и Тьмы; это Каин и Авель, Ева и Лилит, Яхин и Боаз, Ормузд и Ариман, Осирис и Тифон.

Число 3, или Триада, лучше всего представлено в равностороннем или прямоугольном треугольниках. В радуге содержатся три основных цвета, которые в своих сочетаниях дают всего семь. Эти три суть зеленый, желтый и красный. Тройственность Бога в той или иной форме признается практически всеми вероисповеданиями. Он творит, сохраняет и уничтожает. Он есть созидательная сила, производительная способность и общий итог. По Каббале, нематериальный Человек состоит из жизнеспособности, или жизни, дыхания жизни; из души, или разума; и из духа. Соль, сера и ртуть были величайшими символами для алхимиков, для которых человек также состоял из тела, души и духа.

Число 4 выражается в квадрате, или четырехугольнике с прямыми углами. Из символического Эдемского сада вытекала река, разделявшаяся на четыре потока: Писон, который огибал земли Золота, или Света; Гихон, омывавший Эфиопию, или Землю Тьмы; Хидекель, убегавший своими водами на Восток, в Ассирию, и Евфрат.¹⁴ Захария узрел четыре колесницы, пронесшиеся меж двух бронзовых гор: первая из них была запряжена красными конями, вторая – черными, третья – белыми, а четвертая – серыми: «это выходят четыре духа небесных, которые предстоят пред Господом всей земли».¹⁵ Иезекииль видел четверых живых существ, у каждого из которых было по четыре лика и по четыре крыла, и то были лики человека, льва, вола и орла, и с четырех сторон было у них четыре колеса¹⁶; а Св. Иоанн увидел четырех зверей, исполненных очей и спереди и сзади: Льва, молодого Вола, Человека и парящего Орла¹⁷. Четыре всегда было знаком Земли. И далее, в 148-ом псалме, тех, кто должен славить Господа на земле, перечислено четырежды четыре и, в частности, четыре живых существа. Видимая природа обычно описывается как «четыре четверти мироздания» или «четыре конца света».

«Четверо, – гласит древняя иудейская мудрость, – царят в мире: человек – над всеми живыми существами, орел – над птицами, вол – над скотом, лев – над дикими зверьми». Даниил видел четверых огромных зверей, выходящих из моря.¹⁸

Число 5 – это сумма Диады и Триады. Это число находит свое отражение в пятиконечной, или Пламенеющей, Звезде, или таинственной Пентальфе Пифагора. Пять неразрывно связано с семью. Христос накормил своих учеников и прочих голодающих пятью хлебами и двумя рыбами, и после этой трапезы объедков набралось двенадцать – то есть пять плюс семь – коробов. В другой раз он накормил их семью хлебами и несколькими рыбами, а объедков осталось семь коробов. Пять мелких планет – Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн – в сочетании с двумя крупными – Солнцем и Луной – составляют семь небесных сфер.

Число 7 – особенно священное число. Семь планет олицетворяют семь небесных сфер, управляемых семью архангелами. В радуге семь цветов. Финикияне называли свое верховное божество Гептаксис, то есть Господь Семи Лучей. В неделе семь дней, а если сложить

семь и пять, то получится число месяцев года, колен рода иудейского, апостолов. Захария узрел в своем видении золотой светильник с семью ветвями и семью огнями, и с оливковыми деревьями по обе стороны. «Ибо вот тот камень, который Я полагаю перед Иисусом; на этом одном камне семь очей, — пишет он, — ибо кто может считать день сей маловажным, когда радостно смотрят на строительный отвес в руках Зоровавеля те семь, — это очи Господа, которые объемлют взором всю землю?»¹⁹ Иоанн в своем «Откровении...» пишет семь посланий семи церквам. В этих семи посланиях содержатся двенадцать пророчеств. Что бы ни говорил он этим церквам, в похвалу ли, в укор ли, укладывается в три фразы. Рефрен «Имеющий уши слышать, да услышит» состоит из десяти слов, то есть суммы трех и семи, а семь, в свою очередь, — это сумма трех и четырех; это можно увидеть во всех семи посланиях. В той части этого же текста, где говорится о печатях, архангеловых трубах и казнях, семь также раскладывается на три и четыре. Отсылающий послание в Эфес — это «Держащий семь звезд в деснице Своей, Ходящий посреди семи золотых светильников».²⁰

В шесть дней, или сроков, Господь создал Вселенную и снизошел до отдыха на седьмой день. Ною было повелено взять с собой в ковчег семь пар тварей чистых и семь нечистых. Через семь дней потоп должен был прекратиться. Дождь пошел на семнадцатый день месяца, и в семнадцатый день седьмого месяца ковчег пристал к горе Арарат. Когда же посланный голубь вернулся, Ной прождал семь дней перед тем, как послать его снова вперед, и опять же прошло семь дней, прежде чем тот вернулся с оливковой ветвью в клюве. Енох был седьмым патриархом, включая Адама; Ламех же прожил семьсот семьдесят семь лет.

В большом светильнике Скинии, а позднее Храма, было семь огней, представлявших собой семь планет. Семь раз Моисей окроплял алтарь священным елеем. Семь дней проходило очищение Аарона и его сыновей. Женщина считалась нечистой после деторождения тоже семь дней; зараженный проказой семь дней содержался в карантине; семь же раз его окропляли кровью жертвенного петуха; и еще семь дней он не имел права входа в свой шатер. Очищая прокаженного, священнослужитель семь раз должен был окропить его елеем, а очищая его дом — тоже семь раз — кровью жертвенного петуха. Кровь жертвенного быка тоже семь раз вспрыскивала Ковчег Завета, а затем — алтарь. Каждый седьмой год считался праздничным, а каждый седмижды седьмой — юбилейным. В месяц Авив семь дней ели пресный хлеб.

Семь недель отсчитывалось с момента первого прикосновения серпа к злакам. Праздник Кущей длился семь дней.

Израиль пробыл в мидийской земле семь лет, пока Гедеон не освободил его. Бык, которого он принес в жертву, был семи лет от роду. Самсон повелел Далиле обвязать его семью зелеными лозами, а она накручивала на свои пальцы семь прядей его волос, которые после безжалостно отрезала. Валаам повелел Валаку возвести для него семи алтарей. Иаков был в услужении семь лет за Лию и семь — за Рахиль. У Иова было семеро сыновей и три дочери, что вместе составляет десять, число Совершенства. Кроме того, у него было семь тысяч овец и три тысячи верблюдов. Друзья его просидели у его одра семь дней и семь ночей. Его же друзьям далее повелено было принести в жертву семь быков и семь телят; и в конце концов у него снова народилось семь сыновей и три дочери, а овец у него стало дважды по семь тысяч, а прожил он сто сорок лет, что составляет ровно два раза по седмижды десять. Фараон увидел в своем сне семь коров тучных и семь коров тощих, семь колосьев плодоносных и семь голодных, и было семь лет голода и семь лет изобилия. Иерихон пал после того, как семеро священнослужителей с семью трубами семь дней обходили город вокруг; шесть дней — по одному разу и семь раз — на седьмой день. Захария пишет, как уже говорилось, что семь очей Господних озирают всю Землю вглубь и вширь. Соломон семь лет строил свой Храм. В Апокалипсисе семь архангелов исторгают семь великих казней из раструбов семи своих труб. Зверь алый, на котором восседает Жена, «ужасная, как развернувшееся к битве вой-

ско», имеет семь голов и десять рогов. То же и у зверя, поднимающегося из волн морских. Семь громов гремят в одночасье. Семеро архангелов трубят в семь труб. Семь огненных светильников, семь духов Божьих, горят перед престолом, а у Агнца жертвенного – семь рогов и семь глаз.

Восемь – это первый куб, куб двух.

Девять – это квадрат трех и изображается в виде тройного треугольника.

Десять включает в себя все прочие числа. В особенности же – семь и три. Оно носит название числа Совершенства. Пифагор изображал его в виде Тетраксиса, который до сих пор не раскрыл еще всех своих таинственных значений. Этот символ иногда состоит из точек, иногда из запятых или литер Йод; в Каббале – из букв Имени Господня, расположенных следующим образом:

Начиная от Адама и заканчивая Ноем, насчитывается ровно десять патриархов; столько же и заповедей Моисея.

Двенадцать – это число линий одинаковой длины, которые образуют куб. Это число месяцев года, колен рода Израилева, апостолов, быков Медного моря и драгоценных камней на грудной пластине первосвященника.

и

3

Te Maser

Мастер

Буквально понимать символы и аллегории писаний древнего Востока – это значит, по доброй воле закрывать глаза на истинный Свет. «Переводить» эти символы на современный язык простыми, тривиальными словами – значит, служить знамени воинствующей посредственности.

Любое религиозное выражение символично, ибо мы можем описать только и лишь то, что видим, и истинным предметом религии является ранее виденное. Одним из самых ранних орудий образования были символы; они и все остальные формы религиозного выражения всегда различались и различаются поныне по внешним обстоятельствам и условиям и по уровню знаний и умственной утонченности. Символичен любой язык, коль скоро он всегда применяется к описанию духовных и умственных феноменов и действий. Изначально все слова имеют материальное, предметное значение, хотя впоследствии могут приобретать для необразованных и недалёковидных вид духовной бессмыслицы. «Развести руками», например, означает совершить ими некое определенное движение по дуге; но если это словосочетание употребляется для обозначения бессилия что-либо сделать, то оно приобретает символическое значение, которое приобретается одновременно и самим вышеописанным жестом. Само слово «дух» (лат. "spiritus") означает «дыхание» и происходит от латинского глагола "spiro" – «дышу».

Представить видимый символ на обозрение другому – не обязательно означает сообщить ему то значение этого символа, которое он имеет в ваших собственных глазах. Отсюда для философа становится ясна необходимость сопровождать видимый для глаза символ объяснениями его значения, адресованными уху, которые более точны и аккуратны, но гораздо менее впечатляют, чем живописный или скульптурный образ, который он горит желанием растолковать.

Из этих пояснений постепенно, со временем, выросло множество толкований, первичные, истинные значение и смысл которых были в конечном итоге забыты или затерялись в несоответствиях, неточностях и противоречиях. Когда на них совсем перестали обращать внимание и философия пала до состояния простого нагромождения определений и формул, ее язык сам по себе стал во много раз более сложной символической системой; шаря в темноте, она с тех пор безуспешно пытается охватить и отобразить предметно абстрактные идеи, которые невыразимы по своей сути. Ибо со словом дела обстоят точно так же, как и со зримым символом: сказать его кому-либо – не значит сообщить ему тот же смысл, который в это слово вкладывали вы; исходя из этого, религия, как и философия, в значительной степени превратилась в бесконечную дискуссию о значении и смысле слов. Наиболее абстрактное отображение Бога, которое может обеспечить человеческий язык, – это знак или символ, замещающий собой нечто пребывающее вне нашего понимания и не более верный и соответствующий действительности, чем, например, образы Осириса и Иисуса или их имена, он лишь менее ярко и чувственно выражен. Избежать чувственного выражения чего-либо мы можем, лишь опустившись до однозначного и абсолютного отрицания. Задавшись целью дать определение духа, мы в итоге всех трудов приходим лишь к тому утверждению, что дух – это то, что не есть материя. То есть дух – это дух.

Всего лишь один пример символизма слов укажет вам одно из направлений масонских изысканий. В Английском Уставе можно прочесть следующую фразу: «Клянусь всегда умал-

чивать (hail), скрывать (conceal) и никогда не открывать (never to reveal)...»; и еще в Катехизисе: «В.: "Я умолчу" (I hail);

О.: "Я скрою" (I conceal)».

А общее недопонимание этой фразы происходит из-за наложения на ритуальное общепотребительного: "From whence do you hail?" («Из какого рода Вы приходите?»).

Но в нашем случае данное слово в действительности изначально выглядело как "hele", от древнеанглийского "hoelan (helan)" – «покрывать, прятать, скрывать». На латынь этот глагол переводился как "legere", т. е. «покрывать, крыть (крышу)». В суссекском диалекте слово "heal" в значении «крыть крышу» общепотребительно; на западе Англии кровельщиков называют "healers". Следовательно, наше "hail" здесь означает «скрывать, покрывать, умалчивать». Язык – тоже символ, и его слова могут быть так же неправильно поняты или истолкованы, как и визуальные символы.

Со временем символизм всегда усложнялся; все силы небесные воспроизводились сами по себе на Земле, пока не сплелась целая паутина аллегорий и вымысла, отчасти по милости Царственного Искусства, отчасти в силу людских невежественности и суеверий; и эту паутину человеческому разуму с его ограниченными возможностями к объяснению уже никогда не суждено распутать. Даже иудейский теизм не выдержал испытания символизмом и поклонением образу; последние же, вероятно, были заимствованы, у более древних религиозных концепций и из других, более отсталых, областей Азии. Поклонение великому семитскому Богу Элю, или Алсу, и его символическому отображению в Самодостаточном Иегове не было отдано на откуп поэтическому или изобразительному языку. Священнослужители были монотеистами, народ – идолопоклонником.

Существует ряд опасностей, неотделимых от символизма, которые представляют собой впечатляющий урок, если учесть, что подобному же риску мы подвергаемся, пользуясь самим языком. Воображение, призванное на помощь рассудку, либо полностью занимает его место, либо оставляет его, беспомощного, опутав своими сетями. Имена, присваиваемые вещам, начинают путать с ними самими; средства путают с целью; вариант толкования – с его объектом; а символ захватывает власть над независимым разумом, принимая обличье разнообразных истин и личностей. Возможно, это и необходимый, но уж очень опасный путь к Богу, на котором многие, как утверждает Плутарх, «путая знак с обозначаемой вещью, впали в сожаления достойные суеверия, в то время как другие, избежав этой крайности, ударились в не менее отвратительные безверие и атеизм».

Именно через Мистерии, говорит Цицерон, мы постигли первые жизненные принципы, откуда следует, что термин «инициация» глубоко обоснован и продуман; они не только учат нас более честной и счастливой жизни, но и смягчают душашую боль смерти надеждой на лучшую жизнь после нее.

Мистерии были священными представлениями, отображающими некие легенды, значимые для понимания сути изменений в природе, в видимой Вселенной, в которой находит свое раскрытие сущность Божественного; участие в них отражалось на мироощущении как язычников, так и христиан. Природа – великая наставница человека, ибо она и есть откровение Божие. Она никогда не предлагает нерушимых догм и не пытается принудить к принятию какой-либо определенной концепции веры или к какому-либо истолкованию. Она предлагает нам свои символы, не объясняя их. Это текст без комментария, а ведь мы все хорошо знаем, что именно глоссы, комментарии ведут к заблуждениям, предрассудкам и ересям. Древнейшие учителя человечества не только восприняли уроки Природы, но и насколько могли последовательно передавали их своим ученикам теми же способами, какими сами получили их. В ходе Мистерий, кроме непрерывной традиции священных ритуальных чтений в святилищах таинственных текстов, зрителям почти не предлагалось никаких пояснений, и им приходилось, как в школе самой Природы, делать выводы самостоятельно. Ника-

кой другой метод не способствовал бы в той же мере развитию всех способностей и умений. Использование универсального природного символизма вместо тонкостей и опосредованностей языка сторицей вознаграждает даже самого скромного исследователя, открывая ему все тайны мира в той степени, в которой ему хватает предварительной подготовки и возможностей понять и осознать их. Если даже философское их значение многими может быть непонято или недопонято, то нравственное и политическое доступны всем и каждому.

Эти мистические чтения и представления не были подобны лекциям – скорее, постановке вопроса. Подразумевая его дальнейшее исследование, они рассчитаны были на пробуждение дремлющего интеллекта. Они не были чужды философии, ибо философия сама по себе есть величайшая толковательница символизма, хотя ранние ее выводы зачастую неверны или слабо обоснованы. Переход от символа к догме фатален для красоты выражения и ведет к нетерпимости и ни на чем не основанной самоуверенности.

и

Если во время объяснения величайшей доктрины о Божественной природе Души, в стремлении преподать идеи ее тяготения к бессмертию, ее превосходства перед душами животных, которые не испытывают стремления к Небесам, древние впустую тратили силы, сравнивая ее то с огнем, то со светом, – то неплохо бы нам поразмыслить над тем, обладаем ли мы при всех наших знаниях, которыми мы так привыкли похвастаться, лучшим или хотя бы более ясным представлением о ее природе, и не пошли ли мы путем наименьшего сопротивления, отказавшись в свое время иметь хоть какое-то представление о ней. И если древние и ошибались относительно места пребывания души и буквально понимали способы и пути ее нисхождения в мир, это все равно были окольные тропы к великой Истине, пусть для посвящаемых они и оставались зачастую обычными аллегориями, призванными сделать мысль более впечатляющей и «осязаемой» для их умов.

В любом случае, не следует более потешаться над ними пустому и самоуверенному невежеству, чье знание состоит из одних лишь слов, как не следует ему потешаться и над Сердцем Авраама, пристанищем духа только что умерших; над огненным морем, извечным испытанием духа; над Новым Иерусалимом с его яшмовыми стенами, зданиями из чистого золота, гладкого и блестящего, как стекло, фундаментами из драгоценных камней и вратами, каждая створка которых – цельная жемчужина. «Знаю человека во Христе, – пишет апостол Павел, – который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (только не знаю – в теле или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать».¹ Нигде не придается большее значение и нигде, кроме писаний этого апостола, не упоминается чаще об извечном конфликте двух противоположностей – духа и тела; нигде более жестко не отстаивается положение о Божественной природе Души. «Ибо мы знаем, что закон духовен, а я плотян, продан греху. Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю, – пишет он. – Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы – дети Божии. А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться. Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас. Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорила суе не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих».²

и

Две формы государственного управления благоволят обману и фальши. При деспотизме народ лжив, склонен к обману и предательству, как всякий раб, боящийся розги. При демократии эти же качества зачастую рассматриваются как способы завоевания популярности и пути к высокому посту, то есть как удовлетворяющие извечному человеческому стремлению к процветанию. Опыт покажет, действительно ли эти отвратительные сиюминутные пороки шире всего распространяются и достигают наибольших высот именно в республиках. Когда высокие посты и материальное благополучие становятся для народа идеалами и наименее достойные и способные вовсю стремятся к первым, а подлог легко приводит ко второму, страна переполняется ложью и начинает испарять интриги и клевету. Когда путь к государственным постам открыт для всех и каждого, заслуги, твердые убеждения и слава незапятнанной чести обычно редко пробиваются к ним, да и то, по большей части, благодаря случайному стечению обстоятельств. Способность хорошо служить своей стране перестает быть поводом к тому, чтобы великие, мудрые и образованные личности избирались на высокие посты. Скорее будут приниматься в расчет иные способности, пусть и менее достойные. Умение подогнать свое мнение под общие настроения, умение защищать, прощать и оправдывать причуды различных групп общества, умение защищать выгодных и перспективных партнеров, ласкаться к избирателям, льстить им, кланяться у них поддержку, точно спаниель на задних лапах, молить их отдать голоса за свою кандидатуру, будь это хоть негры, всего лишь на три шага отошедшие от полного варварства, клясться сопернику в вечной дружбе и тут же исподтишка всаживать ему нож в спину, серьезно обосновывать то, что в устах другого стало бы откровенной ложью, поначалу относиться к ней с видимой иронией, а затем принимать ее на веру, стремясь навязать и окружающим, – кто не видел на своем веку, как эти дешевые трюки, это балаганное фиглярство претворяются на практике, постепенно распространяясь до такой степени, что успеха становится просто невозможно добиться иными, более честными, методами?! А государство в итоге всего этого управляется и, естественно, разваливается поверхностной и невежественной посредственностью, чугунной самоуверенностью, зеленью незрелого разума, суетой мальчишки-школьника, который – недоучка – бравировует знаниями, сути которых не постиг.

Неверные и лживые в общественной и политической жизни будут неверны и лживы и в жизни частной. Безрассудный политический жокей и на ипподроме будет столь же испорчен. Везде он будет искать выгод в первую очередь для себя, и всякий, решивший положиться на него, падет жертвой его корыстных устремлений. Цели его неблагоприятны, как и он сам, и, следовательно, власти он будет добиваться также неблагоприятными способами, каковыми он будет добиваться и других, пока недоступных для него, благ – земель, денег или славы.

Со временем пути чести и верхушки государственной власти расходятся. Место, которое, по общему признанию, достоин и может занять с иры и поверхностный, грубый и нечистый на руку, перестает быть достойным устремлений великого или просто способного; если же нет, то они сами выбывают из борьбы за него, ибо оружие, используемое в такого рода борьбе, лишь марают руки джентльмена. Тогда привычки беспринципных судебных адвокатов усваиваются самим Сенатом, и сутяги вовсю вершат там свои грязные дела, в то время как на карту, возможно, поставлена судьба страны и ее народа. Государства управляются жестокостью, развиваются за счет подлога, а все беззакония оправдываются законодателями, на каждом углу клянущимися в своих честности и бескорыстии. Тогда результаты свободного голосования подтасовываются исходя из партийных соображений, и вообще все самые отвратительные черты разлагающегося деспотического режима оживают и стократно усиливаются в республике.

Странно, что преклонение перед Истиной, мужество и искренняя преданность, презрение к ничтожеству и извлечению выгоды нечестными методами, искренняя вера, набожность и доброта теряют свои позиции среди людей и в особенности среди государственных деятелей по мере развития цивилизации, победного шествия свободы по миру и общего возрождения земли к Свету и жизни более достойной и справедливой. В эпоху Елизаветы, когда не было еще общечеловеческой эмансипации, Обществ по Распространению полезных знаний, публичных лекций, лицеев – все равно – и государственный деятель, и купец, и крестьянин, и моряк – были настоящими героями, боящимися лишь одного Господа и никого меж людей. Прошла всего лишь пара столетий, и в монархии или республике той же нации нет ничего менее героического, нежели купец, этакий спекулянт, или же гонящийся за высоким постом политический интриган, не боящийся одного лишь Господа, а меж людей – всех без исключения. Преклонение перед величием постепенно отмирает, сменяясь пещерной ему завистью. Каждый человек преграждает многим другим дорогу к известности или достатку. Все испытывают огромное удовлетворение, если со своего поста смещен великий политик или если полководцу, на свой короткий час успевшему стать для толпы очередным идолом, настолько не везет, что он теряет это свое высокое положение. Ошибкой, если не преступлением, становится возвышение хоть на дюйм над общим уровнем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.